

Игорь Родин



СОВЕСТЬ ПАЛАЧА

Роман

Игорь Родин

Совесть палача. Роман

«Издательские решения»

Родин И.

Совість палача. Роман / И. Родин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745230-8

Наше время. Главный герой — начальник учреждения, исполняющего наказания, в том числе и высшую меру социальной защиты. Из-за этого узаконенного убийства его постоянно и со всё большим усилием тревожит собственная совесть. Палач пытается понять и простить себя, найти достойный выход или лазейку, договориться или придушить собственную совесть. В основном при помощи тех, с кем он расправляется. И вот на его пути появляется сумрачный гений, готовый дать ему искомое...

ISBN 978-5-44-745230-8

© Родин И.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. И за страх, и за совесть	6
Глава вторая. Каждый раз «исполняется» впервые...	25
Глава третья. Секс, бесовщина и тет-а-тет	43
Глава четвёртая. Откровенность за откровенность	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Совесть палача

Роман

Игорь Родин

© Игорь Родин, 2019

ISBN 978-5-4474-5230-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи в романе вымышлены, любые совпадения случайны или непреднамеренны. Все несоответствия и преувеличения допущены нарочно, ибо того требуют законы жанра, и нельзя приоткрывать всех тайн, да и невозможно точно знать абсолютно всё. Так же, мнение автора может отличаться от мнений, высказываемых героями произведения.

Позорно не наказание, а преступление
Иоганн Готфрид Гердер

Глава первая. И за страх, и за совесть

*Лишь тот, кто облёк себя в броню лжи, нахальства
и бесстыдства, не дрогнет перед судом своей совести.*
Максим Горький.

Преамбула: Россия 28 февраля 1996 года не вступила в Совет Европы. 16 мая 1996 года президент не подписал указ о поэтапном сокращении применения смертной казни. Смертная казнь в России сохранилась и применяется.

А теперь фабула:

Человек всегда не доволен своим текущим положением. Он всегда оглядывается на остальных, сравнивает и прикидывает, в чём же обошли его ближние. И, конечно, тут же замечает всё. Все тонкости и детали. Все нестыковки и несправедливости. Особенно несправедливости. По любому вопросу. По статусу, по должности, по внешности и одежде. По капиталу и даже по возрасту. Хотя для мужиков возраст находится где-то во второй десятке приоритетов. А если человек всем доволен, он или молодой здоровый успешный олигарх, посадивший «Дайкири» на Канарах, или полный олигофрен. Или, как тоненькая, почти незаметная прослойка, исчезающий вид, он некий монах схимник, познавший благодать. Но таких я ещё не встречал живём.

Именно так я и сообщил Пете Исаеву, моему большому другу, когда выгрузил пластиковые бутылки объёмом в два литра, набитые под завязку светло-жёлтым пивом, похожим на сильно разбавленную мочу. Цвет не имел значения, я точно знал, что пиво, хоть и странно светлое, но приятное и с прекрасным вкусом. Бутылки, или как их ласково звал Петя: «сиськи», очаровательно гудели от распиравших их пивных углекислотных газов. При касании звенели от напряжения. Скользили в руках из-за приятной испарины, образовавшейся от внутренней прохлады.

Мы собирались устроить один из традиционных, хотя и переходящих в статус редких, пивных пятничных вечеров. Благо, на улице предпоследний день весны, солнце жарит по-летнему, а его жена с детьми уже благополучно свалила на дачу. А Петя, примерный семьянин, остался подкрасить, подбелить и подклеить огрехи недавнего кухонного ремонта. Ну, это она так думает. На самом-то деле, он, наконец, выбрал пятницу конца месяца для нашей долгожданной встречи.

Бросив во дворе машину, он даже не притронулся к клею, мелу и прочим шпателям и кистям, а сразу принялся стелить на шаткий углый деревянный столик, стоявший на балконе, клеёнку, которую выдавал за скатерть. На ней нелепо застыли ещё те, «совковые» блёклые орхидеи в декоре шотландского шахматно-клетчатого рисунка.

Я выставлял на скатерть «баклажки», вынимал пакетики сухариков и упаковки вяленых рыбных полосок. Следом появлялись резиновые серпантины из сливочно-бледных кальмаров и анчоусы, похожие на вываленные в соляной пыли шканти. А Петя в это время бегал на недоремонтированную кухню и таскал обратно бокалы, тарелки и блюда под всю эту снедь, попутно успевая отрывать по надрезам верхушки упаковок и высыпать закуску в благородную посуду. Так же, по своей привычке, которая не предусматривала такой благодетели, как терпение, он успел с треском и шипением вскрыть одну «сиську», обильно оросив при этом весь стол мокрой липкой рыхлой пеной. И отхлебнул из горла, предварительно стравив пену в мой бокал.

– И с чего сия умная мысль? – непринуждённо перевёл он разговор от темы залитой «поляны» к более философским вещам.

– С одного маленького наблюдения, сделанного мною по дороге к тебе, – поддержал я игру, стряхивая пену с рук и начиная протирать между блюдами салфеткой из пачки, которую хозяйственный Петя не забыл притащить из своей многострадальной кухни, видимо предполагая такое развитие событий.

– Расскажи! – Петя подобрел и теперь стоя, неспешно цедил пиво по бокалам, начав с гостевого.

В свой он наливал уже без бешеной белой шкварчащей и пузырящейся шапки, а мой ожидал долива пива после отстоя пены. Надо сказать, что так себя он вёл отнюдь не всегда, обычно соблюдая этикет и хорошие манеры, но просто сегодня у него нагорело и он трясся от нетерпения.

– Поясню на своём банальном примере, – основательно и не спеша, ожидая полного наполнения обеих чаш, начал я. – Ведь, как говорил товарищ Ульянов-Ленин, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

– Ты давай, не растекайся мыслию по древу, а, как твой товарищ Ленин, в виде апрельских тезисов, – тут же вставил Петя, переходя к моему бокалу и доводя уровень до идеального.

– Так вот! Я пёр эти два увесистых пакета из твоего супермаркета, сгибаясь под бременной тяжестью купленного «колдовства», и моё предвосхищение праздника немного портило это обстоятельство. Автомобиля я не имею по идеологическим соображениям, и поэтому в данный текущий момент люто завидовал, стоя на перекрёстке всем этим автовладельцам, нагло перегородившим своим нескончаемым, как будёновская лава потоком пешеходный переход. И особенно в этом железном потоке мне не понравился один мажор-байкер на спортивном «Судзуки». Я ещё подумал, что неплохо бы было сейчас оказаться на его месте. Когда эти долбаные пакеты уложены в кофр багажника, а под тобой пара сотен лошадей.

– Да ладно, – встрял сведущий в технических вопросах автолюбитель Петя, – у них и сто восемьдесят лошадок редкость!

– К делу это не имеет никакого отношения, – холодно отрезал я. – Я имею некоторую слабость к мотоциклам, в отличие от авто, поэтому естественным образом позавидовал. Это бывает. И это естественно.

– Ага, – Петя заулыбался и поднял свой бледно-янтарный, а вернее, моче-разбавленный сосуд радости. – Выпьем!

Мы звякнули глухим сытым звуком толстого стекла, пригубили изумительно холодное, вкусное пиво.

– Ах, – сказал я, слизывая с губ лопающуюся пенку после упоительно длинного глотка. – Первый глоток пива – как поцелуй любовницы! Все остальные – просто унылое глотание горькой жижи, ими скорее давишься, чем наслаждаешься, тупо заливая кишки.

– Поэтично, – коротко оценил Петя, с пылесосным звуком вобрав остатки пены до дна.

Он запустил руку в центр «поляны», как экскаватор с грейферным ковшом, подняв вместо песка горсть сухарей. С треском ломающегося сарая перекусил сразу полдюжины. Я поставил недопитый бокал на угол и продолжил прерванный разговор. Жующий Петя не возражал.

– И когда этот мажор с видом кронпринца, не замечающего челядь, что приветственно высыпала на улицы приветствовать его, газанул, его подрезал другой такой же кронпринц-мудак, только на «Кайене». Просто вывернул в другой ряд и «бортанул» задницей его байк. И мажор, неожиданно для себя, продемонстрировал отличное сальто-мортале. А потом застрял где-то под старой «шахой» с дедом пенсионером, вцепившимся в руль с лицом обгадившегося младенца. Дед тоже, наверное, спешил. На дачу. А тот «бивень» на «Порше», наверное, тоже. Кто ж их знает, дачников...

И хитро подмигнул Пете, который сам был заядлым любителем загородного копально-поливального времяпровождения. Но тот не отреагировал на шпильку.

– Неожиданный поворот, – вильнул в сторону мой друг, пропустив старую подначку про дачу и все прелести, что с ней связаны. – Мажор на дачу, я так понял, расхотел?

– Да! Если дача тут вообще уместна. Тут же, конечно, возникла пробка, крики, шумер, масса дебилов со смартфонами, увековечивающих сие эпичное событие для анналов «Ютьюба». «Судзуки» покорёжило, он свалился посреди перекрёстка, обоссавшись пахучим бензином напоследок...

– Вот что мне всегда в тебе нравилось, – довольно и проворно вставил Петя, – это твои поэтичные метафоры!

– Ага. А я не то чтобы нарочно попёрся смотреть, как там мажор, а так, просто прошёл мимо. Тем более, его и так окружили теплом и заботой. «Тапочки», правда, с него соскочили, но сам он был жив и даже в сознании. Вот только нога чего-то в крови. И тут мы с ним пересеклись взглядами. Я увидел боль в его глазах, злость на несправедливость этого мира и ту самую зависть. Он хотел вопреки всем правилам теперь оказаться на месте любого из его окружающих. Живого, здорового и без поломанного байка. Понимаешь? Все в определённый момент хотят попасть на чужое место. А когда и оно становится некомфортным, тут же хотят соскочить на другое, более приятное и тёплое.

– И тогда ты оценил теплоту своего места на текущий момент? – утвердительно спросил Петя, жуя нежно-жёлтое кольцо кальмара.

– Именно! Я на некоторое время перестал ему завидовать и со злорадным превосходством подумал, как всё быстро может измениться! И ценить надо своё текущее место, понимая, что оно в любой момент может стать неудобным! Не ждать пока оно таким станет, не трястись и не следить за минутной стрелкой, а наслаждаться тем, что есть! Остаётся это только понять. А потом принять.

– И как? Понял, принял и простил?

Я только махнул рукой. Понять это несложно. А вот принять, согласиться и встроить в текущее существование гораздо сложнее. Не обманывать себя, а именно поверить в это. Чтоб аж благодать снизошла. Но наши костные прагматичные мозги, наши привычки и уклад, наши внутренние и внешние обстоятельства и нюансы хором отталкивают эту благодать снисхождения веры и переосмысления собственного бытия. И мы бегаем по краешку прибора, лаем на горизонт, как собачки, но входить в воду и плыть глубже не решаемся. Убеждаем себя, мол, ладно, сегодня вот так, а уж завтра всё начну сначала. Куда там! Самообман. Самый лёгкий способ обмана. Как у Пушкина. Он сам был этому рад, только по другому поводу.

– Вижу, у тебя опять «депрессняк». Что-то ты опять грустный какой-то, – немного шутиливо нахмурил брови Петя.

Ему сейчас было хорошо. Пиво живительной амброзией пролилось на иссушенные трезвой неделей стенки желудка. Те выстрелили кислым соком, а уж потом эту смесь всосали жаждающие поры, как посудная губка, отправив её по тонким хитросплетениям Петинского организма на сложные фабрики по разделению её на фракции, перегонку и выкристаллизовывание ректификата. А уж по токам крови капилляров, вен и артерий под мощным напором пламенного мотора, язык не поворачивается называть его насосом, таинство спирта отправилось в мозг. И там налипло на какие-то его аксоны, нейроны или что там у Пети внутри черепушки, активировав центры адской боли. И могучий Петин организм немедленно сыграл тревогу. В кровь выстрелили гормоны, отвечающие за удовольствие. Те самые эндорфины и прочие нейромедиаторы. И в результате он имеет то, что люди называют захмелением. Или опьянением. А сам он ласково говорит: «По шарам дало!» Кайф, короче. Хотя, по сути, всего лишь такая хитрая защитная реакция на боль.

Так-то.

Я неопределённо покрутил ладонью в воздухе, немного кивнув, но тут наш начинающий устанавливаться интим прервал дверной звонок. Петя чертыхнулся, встал, и принялся проби-

раться между балконной оградой и столом. Осторожно, чтобы не потревожить столешницу и не разрушить порядок и баланс на ней. По дороге он всё же не удержался и высказался:

– Тебе с твоим складом ума надо было подаваться в гуманитарии. А то теперь ты совсем превратился в злобно философствующего мизантропа и социопата. Налей там нам ещё, я быстро...

И ушлёпал разбитыми тапками по ламинату на прозвучавший уже второй раз нетерпеливый призыв. Я крепко ухватил бутылку двумя руками и начал неспеша наполнять его тару. Клацнули замки, и я услышал трубный голос нашего общего ещё со школы знакомого и заодно теперь Петинного соседа, Коли Токарева. Истинного пролетария и неугомонного оптимиста вкупе с шаловливо-очумелыми ручками. Он был младше нас на пару классов, но «доставлял» всей школе по полной программе, невзирая на юные лета. Помню, как сейчас, наше первое с ним столкновение произошло на втором школьном этаже у входа в туалет для девочек.

Я спокойно проходил мимо, когда эта самая грубо покрашенная половой краской увесистая дверь резко, почти с ощутимым свистом распахнулась на данное ей природой расстояние, и изнутри вылетел мне в объятия Коля Токарев собственной персоной. Вид у него был примечательный. Невысокий, с чёрными всклокоченными волосами, длинным римским носом и просто светящимися голубыми глазками. Глазки эти теперь вытаращились так, что были практически круглыми и в них плавал неподдельный ужас. Всё его пролетарское лицо выражало крайнюю степень возбуждения и, как ни странно, сосредоточенности. Целая гамма чувств мимолётом пронеслась у меня на виду: радость, азарт, страх, уверенность в победе и немного досады.

Почему я уловил досаду, спрашивать мне его не пришлось. Коля не успел ничего сказать, как ему в спину, будто пытаясь настигнуть или хотя бы окончательно выдавить его из сортира, грянул сотрясший стены взрыв. Дверь, которую витая пружина принялась с нарастающей мощностью возвращать в исходное положение, чуть запарусила от встречной волны, но инерция росла, и она с громом захлопнулась, успев выдохнуть наружу пару клубов сине-серого порохового дыма. Коля врезался в меня, заключив в объятия, а из-за двери раздался многоголосый девичий вой, ор и визг.

Я оценил размеры предприятия. Если даже за убегающим Колей успело вывалиться столько дыма, внутри туалета сейчас стоял не просто туман, а такой смог, что его можно было грести руками, как снег, натываясь сослепу на подвешенные топоры. Я отшвырнул мелкого школьника в сторону, а он хитро улыбнулся и «вжарил» по коридору во все лопатки. На грохот уже тянулись старшеклассники и учителя. Позже я узнал, что кличка у Коли была соответствующая – Шустрый. А потом, уже гуляя по дворам, мы часто с ним пересекались. В основном, сталкиваясь с его новыми прожеками, подобными «сортирному взрыву». Кстати, взорвал он тогда адскую смесь из селитры, активированного угля, серы, магния, тёртого алюминия и даже где-то чудом раздобытого пороха. Видимо, он уже тогда знал, что такое катализатор.

Шустрый никогда не гулял просто так. Он всегда или испытывал свои изобретения и прототипы, или находился в поисках деталей и материалов к ним. Но общаться с ним было легко и весело, так как сам он был человеком лёгким и смешливым, со странным, но оригинальным чувством юмора. Каким и оставался до сих пор. Завидую я ему иногда. Такие лёгкие, воздушные люди. Живут мечтами, не плетут стратегические планы на года, а обходятся одним днём. Как блаженные. У меня так не получается. Мой оптимизм тлеет и задыхается под грудой аналитических расчетов, давних комплексов и многочисленных рефлексий. Где-то по краю этой помойки бродят паранойя под ручку с шизофренией, а на вершине горы сидит дракон страха и сомнений.

Кто-то вошёл в балконный проем, и я оглянулся, ожидая продолжить выпивать с Петей, но в раме косяка стоял Шустрый во плоти и крови. Он по-хозяйски упёрся поднятым локтём в балку, а вторую руку положил на талию. Его живые светлые глазки быстро бегали по столу, а рот уже искривился в счастливой ухмылке.

– Привет! – сказал он хриплым баритоном, на который переходил, когда не надо было повышать голос до децибелов оркестровой трубы. – Отдыхаете?

– Здорово, Шустрый, – кисло отдал я дань вежливости. – Ты разве дашь? Чего хотел?

– А я так, «мимокрокодил»! – засмеялся Коля и туманно пояснил: – Да за «болгаркой» вот к Исаю заскочил. Надо там кое-что отрезать...

– Голову себе не отрежь, – душевно предостерёг его я. – Пива «хапнешь»?

– Вай нот? – поднял густые брови Шустрый.

Я протянул ему свой бокал. Коля ухватил его ловкими грабками и припал к источнику блаженства. Выщедив его одним долгим глотком, он смачно чмокнул и, вдруг переменившись в лице, душевно рыгнул. На верхней губе у него застыла белая тонкая полоска пены. Как в детстве от молока. Теперь такое молоко не делают. Полоски от теперешнего блёклые и прозрачные. А мигом повеселевший Шустрый вдруг без перехода и подводок поинтересовался:

– Слушай, Глеб, вот ты какие формы минета знаешь?

Я немного сбился с мысли и опешил. Никогда не увлекался всякого рода девиациями. Мне и стандартных форм хватает.

– Ну, обычный, – вспомнил я для затравки, потом с сомнением протянул: – Вроде всё... А! Вспомнил! В специальном кино смотрел, такой, чтоб прям до желудка!

– Это всё фигня! – уверенно заявил Коля. – Про «Дракончик» слышал?

Я вспомнил. Где-то я про эти извращения читал. Наверное, в интернете, когда было настроение «сёрфить» по такого рода познавательным сайтам. Изюминка данного способа заключалась в том, что нужно было накопить побольше расходного материала, а потом, как раз во время его выдачи, схватить девушку за затылок и не дать ей продохнуть. Девушка давилась, задыхалась, и из носа у неё при удачном исполнении тёк тот самый расходный материал. Это и являлось основой «Дракончика». Самому проверять действенность и качество такого иезуитского метода мне никогда не приходилось. Хрень полнейшая, но я с видом знатока кивнул.

– А про «Одноногого пирата»? – не унимался весёлый Шустрый.

– А это что такое? – искренне удивился я, начиная наполнять свой бокал теперь уже себе.

– О! Делается это так! – оживился Коля, найдя покорные и благодарные уши в моём лице. – Делает она свои дела, а ты, как раз, когда начинаешь отстреливаться, целишься ей в глаз! Она вскакивает, и в это время ты бьёшь её по ноге! Оп-ля! Готово! По комнате прыгает «Одноногий пират»!

И весело, освобождённо засмеялся. Я тоже не удержался, представив, что сделает с Шустрым очередная его подруга, после того как она уймёт боль в ноге и вымоет глаз от спермы. Тут как раз подтянулся Петя. Он сунул Шустрому в грудь ладную японскую «Макиту» и поинтересовался:

– Чего ржёте?

– Да так, Шустрый проводит сексуальный ликбез, – взял я свой бокал.

– Ладно, я побежал! – Коля скрылся с балкона. – На днях занесу!

– Захлопни там за собой! – полез обратно на своё место Петя.

Шустрый так и сделал, а мы с удовольствием и не торопясь выпили по свежему бокалу. Он захрустел любимыми сухариками, а я зажевал жёсткую, как электрический кабель, вяленую полоску рыбки.

– Тебе с твоим складом ума надо было подаваться в гуманитарии, – повторил вновь Петя. – А тебя вон куда занесло. Теперь сплошной когнитивный диссонанс.

Диагноз Пети был не совсем корректен, но я понял, что он имел в виду. Действительно, кривая моей жизни сделала много неожиданных и резких поворотов. Особенно в последний год. И я оказывался в разных положениях и ситуациях, кое-как держась потока и не выплывая из нейтральных вод. Но последнее изменение меня почти доконало. Кого-то, может оно бы и порадовало, кого-то оставило равнодушным. Кто-то смирился бы и отключил совесть

и сомнения, раздумья и страх. Но мне, с моим складом ума гуманитария, не удавалось из этого ничего. Только раздирающий душу ужас от того, что я творю. Только видения по ночам, чёрные сны с перевёрнутым сюжетом и унылая серая хмарь будних дней, похожих один на другой, как листки отрывного календаря.

И всё это на законных основаниях. Упаси боже подумать, что я какой-то там преступник. Или ещё того хлеще, наёмный убийца или маньяк. Просто работа у меня такая. Вот такая хитрая работа. Не как у всех.

Дело в том, что я – палач.

Обычный палач, в обычном учреждении, время от времени приводящий законные взвешенные и справедливые приговоры в исполнение. Я убиваю людей. Преступников. Негодяев. Киллеров и маньяков. Растратчиков и воров. Убийц и террористов. Просто работа.

Я мастер заплочных дел. Буквально. Стою за спиной и вижу сутулые или богатырские, костлявые или покатые плечи, а потом нажимаю на спусковой крючок. Потому что спускать курок неграмотно. Курок взводят.

Ну, не просто, конечно, работа и должность. Нет у нас в стране такой профессии: «палач». Не прописано у меня в трудовой книжке: «КАТЪ» или нечто подобное. В реальности я начальник ИУ №2 УФСИН нашего захолустного провинциального городка. По стечению обстоятельств, прошлый начальник, уходя на пенсию, не нашёл никого лучше, чем меня на эту сомнительную должность. Не то что бы он ко мне так тепло благоволил, просто совпал ряд обстоятельств. Более достойные кандидаты или выбыли из игры, неудачно подставившись на глупом нарушении, или имели неснятые взыскания, или не подходили на это место по личным качествам. Некоторые откровенно не нравились будущему почётному пенсионеру, а некоторые взяли самоотвод. И у них была причина. Которую я в полной мере прочувствовал немного позже, когда вступил в должность и осел в уютном чёрном кожаном кресле кабинета в торце коридора нашей административной части.

Кресло было огромным, будто его набили и перетянули из целого бегемота. В нём можно было сидеть, работать, смотреть в монитор ноутбука, пить чай и кушать обед. В нём даже спать уютно. В нём можно было жить. Оно охватывало тебя своими толстыми лапами-подлокотниками, как панцирь, как огромный толстый экзоскелет из заграничных футуристических фильмов. Оно придавало уверенность, несло комфорт и уют. Из него не хотелось вылезать. А вылезать пришлось. Чтобы исполнять остальные свои профессиональные обязанности. В том числе и казнить людей. Преступников...

Со всеми манкими благами в виде полной бескрайней власти, нового оклада и хорошей жизненной перспективы выползли наружу и сопутствующие неприятности. Вроде подковёрных игр подчинённых, интриг недоброжелателей и мракобесия злопыхателей. В виде огромной ответственности за весь этот разношёрстный коллектив, иногда напоминавший банду с Гуляй-поля. В виде подначек из центра выражавшихся во внезапных неплановых проверках.

И в виде обязанности время от времени брать старый, отполированный до серебряного блеска «Наган», традицию и память прошлых лет, и стрелять людям в голову. Убивать. Забирать их жизнь. Казнить. Применять к ним высшую меру социальной защиты. Исполнять закон.

Такие дела...

Раньше эта часть моего ремесла, входящая в общий набор, меня интересовала мало. Как-то краем перспективы, очень смутно и опосредовано. Потому что тогда я ещё не был начальником и не брал в руки «Наган». Конечно, я слышал и знал об этой тёмной стороне работы своего шефа. Но сам никогда и в мыслях не примеривал на себя этот красный балахон с прорезями для глаз, образно говоря. Мне казалось это чем-то мифическим, нереальным, чем-то, что меня, конечно, коснётся, только коснётся нескоро, а то и вообще пронесёт. А вдруг? Почему нет? Кривая графика количества приговорённых к смертной казни у нас в стране последние годы скачет, как пульс у умирающего, которого хлестают живительным синим огнём дефи-

брильятора. То густо, то пусто, как говорится. Таких пенитенциарных учреждений, как наше, по стране ещё десятка три. Так что общее количество казнимых вполне себе мягко распределяется, неуклонно разряжаясь и редая к периферии. Бывает, и по полгода ни одной смерти в стенах дома скорби. С другой стороны, случается и наоборот, диаметрально противоположная картина. Приговорённые прут, как плотину прорвало, словно массовое обострение у них случилось. Вот такая волна и досталась мне в первые четыре месяца моего воцарения на исправительно-учрежденческом кожаном троне.

Тогда-то я в полной мере и прочувствовал скрытые мотивы тех, кто отказался от престола добровольно. Это совсем другая история, потому, что она длинна, как персидская легенда и требует отдельного рассказа. А в то время, после первой пятёрки исполненных, я стал глубоко и сугубо задумываться об общемировых вещах, вроде внешней политики и внутреннего обустройства и функционирования силовых институтов, и вообще, философской и теософской подоплёки процессов, прямо сопричастных с этим вопросом. И упал в грусть. В тоску и сплин. В депрессию и стресс. Много разных красивых названий придумали для такого состояния все, кому не лень, от врачей до поэтов, но слаще от их перебора в памяти, на языке и в душе не становилось.

Тогда-то я впервые начал мечтать и праздно раздумывать, а что было бы, если бы в своё время случились некоторые события, которые теперь могли кардинально изменить всё моё теперешнее незавидное текущее положение?

Ведь если бы наш самый первый российский президент в девяносто шестом дал бы слабину и пошёл на поводу у европейских гуманистов, то молодая Россия успешно бы прошла в Совет Европы, утвердившись там, как одно из перспективных и современных государств. Которое, к тому же, неплохо спонсировало бы этот старейший и почётный орган внешнего регулирования прав человека. Пусть теперь нас называют варварами и дикарями, не признающими никаких конвенций и актов, кровожадными каннибалами, загнавшими себя в клетку тоталитарного режима полицейского государства, нам-то самим изнутри виднее. А видно только то, что ничего-то особо и не изменилось. Мы привыкли к этому положению вещей сызмальства и держим его за норму. Никого не удивляет и не шокирует справедливое возмездие для негодяя и мрази, сотворившей ужасные деяния, от которых даже у таких дикарей и варваров, как мы, волосы шевелятся и гнев вскипает в пламенной душе. Нет, ничего подобного, вроде жалости к ним, мы давно не питаем. Все давным-давно воспринимают это, как норму. И всем до лампочки общечеловеческий путь к гуманизму и в частности права и свободы той самой мрази. И его тонкий внутренний мир, который так хотят сохранить европейцы, и который так легко разрушают наши доблестные исполнительные органы.

Причём буквально. Пулей.

От такого выбора Россия впоследствии только выиграла. Её авторитет упрочился, хотя некоторые радикалы и шепчут ядовито по углам, что такой шаг есть реставрация «Железного занавеса», ведущий во тьму опричнины и правового беспредела. «Зато не платим королю налоги!», как поётся в известной песенке. И миллионы долларов остаются в бюджете. И кормить, поить, обувать, одевать и выгуливать на пожизненной отсидке некого. Их просто выводят в ноль. Дёшево и сердито. А разговоры про судебные и следственные ошибки, что ж, они были всегда. Только их всё меньше с каждым годом, потому что доказательная база по расстрельным статьям проверяется и перепроверяется очень тщательно, согласно указа президента, а качество и профессионализм растут неуклонно, шагая в ногу с научно-техническим прогрессом. И это меня немного успокаивает, так как я точно знаю, что, по крайней мере, не казню невиновного.

Может, мы бы жили теперь совсем по-другому, вступи Россия в Совет Европы. Может, громкие процессы заканчивались теперь в страсбургском суде совсем с другими вердиктами. Может, исчезли бы быстрее такие уродливые явления, как внутренние войны, называемые

«боевыми действиями» или та же дедовщина в армии, как более мягкий пример. Может, мы смотрели бы более смело и открыто в сторону демократичного запада, и не боялись бы выражать своё мнение свободно, не опасаясь возмездия. А может, и нет!

Меня эти вещи занимали мало. Знал я тогда твёрдо только одно. Случись это, и в России отменили бы смертную казнь. Совсем и напрочь, на века. Уж на мой бы век хватило. И не стал бы я ломать себе психику, не стал бы мучиться тоской и сплином, не погружался бы в алкогольный вихрь обманчивого облегчения. И с совестью своей был бы в мире. Так ведь нет! Не вступили и не отменили! Искать плюсы и минусы объективно – мартышкин труд для праздных простачков. Их тьма и тех, и других. Тут баланс соблюлён, как на аптекарских весах. А я эгоистичен и эгоцентричен, меня глобальные вопросы не колышат. У меня сплин. Да такой, что хоть в окно головой. Но я трус. Я в окно не прыгну. Не хочу. Я разобраться хочу. Понять. И простить. Себя простить и жить во вновь обрётённой гармонии с самим собой.

Тошно мне...

– Алло! – позвал Петя. – Приём! Чего задумался? И чего такой кислый? Приуныл?

– А? – вынырнул я из размышлений. – Так. Что-то приунывал, приунывал и совсем приуныл. Нет у меня когнитивного диссонанса. То, что я вижу и то чему меня учили и как воспитывали, прекрасно ложится одно на другое. Никаких чудес и невероятных фактов. Всё в рамках. А то, что я тот, кто я есть, это уж так судьба сложилась. Не вижу себя кем-то другим. Мне было уютно и комфортно. До последнего. Сам знаешь. И вот надо ж такому случиться!

– Ну, а поп твой? Что говорит?

– Да что поп! Одно и то же талдычит: «Покайся! Покайся! Помолись, поговори с Богом!»

– А ты?

– Я верую, но не настолько фанатично, чтобы идти в храм поклоны бить...

– Гордыня в тебе говорит! – назидательно поднял палец Петя.

– Вот! И он так говорит.

– Покайся!

– Иди в жопу! Если бы это помогало, я бы покаялся. Только не то это всё. Не становится мне от этого легче. Я уже и исповедовался, и причащался. Не чувствую я божьей благодати. Не сходит на меня озарение, осознание и покой. Значит, не в том направлении копаю. Я сам себя понять не могу. Настолько это мне чуждо и отвратительно, что совершенно себя уважать перестал. И смириться не получается. И оправдать себя никак. Так и болтаюсь, как говно в проруби. Пью, забываюсь, болею и вновь вынырываю посреди этого смрадного болота бытия. И так по кругу до бесконечности...

– Ну ладно! Только до пенсии! – напомнил мне бодрым голосом Петя.

– Да! Если я раньше умом не тронусь. Или не сопьюсь. А скорее и то, и другое. Или одно на фоне второго. В совокупности симптомов, как говорит наш доктор Манин, начальник медслужбы.

– А как же то, что я тебе посоветовал? – Петя разлил первую «баклажку» до конца и с шипом откупорил следующую.

– Это помогало. Спасибо тебе. Только, как и любое сильнодействующее средство, оно работает эффективно лишь определённое короткое время. Потом идёт привыкание и дозу надо увеличивать.

Мы говорили с ним о том, что когда-то незапамятно давно, месяца три назад, в пик моей активности с физическим уничтожением преступного элемента по постановлению Верховного совета, я дошёл до ручки очень быстро. И вот тогда, в такой же пятничный вечер, я и признался Пете во всём. Рассказал ему о своём новом нюансе работы на высокой должности, не взирая на запреты и циркуляры. Я в обязательном порядке, при вступлении в должность оставил расписку о неразглашении в нашем Особом отделе. И никому из непосвящённых ничего не сообщал. Да только Петя не просто рядовой непосвящённый. Мы с ним дружим с самого

раннего детства, мы с ним огонь и воду прошли, вместе не разлей вода. Он не просто там, здравствуй-досвидания, он больше, чем друг. Он почти, что брат мой молочный, образно выражаясь. И никогда у нас друг от друга секретов не было. Всегда он был со мной честен и откровенен, и я не имел повода в этом усомниться. В свою очередь платил я той же монетой и никогда об этом не жалел. Не продаст меня Петя и не выдаст какому-нибудь праздному сексоту, просто так, по болтливости и легкомыслию. Да что там! Он даже жене своей ни слова не сказал. Не те тут тектонические плиты лежат в основе, чтобы их такие лёгкие толчки и подначки раздвинули и сломали. Доверяю я ему, как самому себе. Поэтому и рассказал всё, ничего не утаивая и не увильывая в общие обтекаемые фразы. И никому более. С мозгами-то у меня как раз пока всё в порядке, хоть и думаю я про безумие, как про избавление. Не дадут мне такой лёгкой лазейки высшие силы. Не та игра идёт.

И Петя, как я и полагал, всё понял и принял. Всё правильно понял и достойно принял. И, по своей парадоксальной природе, чему я всегда удивлялся, дал мне дельный совет. Тут надо сказать, что про мой высокий гуманитарный склад ума он говорил всё верно, в восхищительном тоне. Я не то, чтобы считаю его интеллектуально ниже, нет, ни в коем случае. Просто у нас с ним способы мышления разные. И нельзя сказать, что один хуже и ущербней, а другой продуктивней и лучше. Просто они разные, как паровой котёл и бензиновый мотор. Опять сравнение выходит некорректным, но хороший паровоз может и обогнать пердячий автомобиль. Не в том дело. Просто, там, где я буду долго анализировать, прогнозировать, строить дедуктивную схему, пусть и ведущую к правильному выводу, он сразу рубанёт с плеча. И, что парадоксально, но закономерно, интуитивно и точно попадёт в самую суть. Я всегда завидовал этой его способности. А он восхищался недоступным ему высоким полётом моей непростой велеречивой мысли.

Так вот. Первым его советом было стандартное: относись к этому равнодушно, как к неприятной обязанности. Не думай об этом и не бери в голову. Ага! Не думай о белой обезьяне! Это не прокатит. И я сразу отмёл столь поверхностное предложение. И тогда Петя и выдал гениальное: «А ты пообщайся с казнимым. Прощупай его! Чем он дышит, чем живёт? Спроси его, как он дошёл до такого? Какие у него мотивы и вообще, что он себе думал? И что думает по этому поводу теперь? В общем, заставь его самого прочувствовать свою вину и понять, что наказание для него теперь есть искупление, и идти к нему надо как к избавлению».

И я начал беседовать с обречёнными. Вернее, они получали приговор, но всегда ожидали решения по апелляции. А вдруг, прокуроры и судьи, комиссия по помилованию, передумают и снимут страшный диагноз острого избытка свинца в организме? А это занимало порой длительное время. До шести месяцев. Хотя теперь бюрократическая машина под напором реформ закрутила свои жернова бодрее, укладываясь в месяц-два.

И на первых порах это помогало. Теперь я видел перед собой не просто незнакомого человека, чужого и страшного в своей обречённости. И не корил себя так нещадно за то, что мне пришлось забрать его жизнь. Теперь я старался понять, что им двигало, какие у него были мотивы и побуждения, приведшие к совершению им своих чудовищных действий, которые загнали его в тот правовой коридор, из которого один выход – на тот свет. Я беседовал с каждым, докапываясь до истины, попутно и его самого заставляя переживать, осознавать и переоценивать свои поступки. Высшим наслаждением для меня было сделать так, чтобы казнимый сам искренне и душевно осознал весь ужас своей вины и откровенно и чистосердечно рассказывался. Тогда и ему самому, и мне становилось безмерно легче. Он шёл на смерть просветлённым, оценивая её теперь как справедливое возмездие и путь в новый мир, так сказать, на высшую свободу с чистой совестью. А я считал свой долг выполненным и просто помогал ему сделать этот непростой переход. Как старушку через перекрёсток перевести. Чистосердечно и искренне помочь без какой-то там корысти. Тут уж не до корысти, тут идёт игра в кошки-

мышки с совестью, а она почище любого самого непримиримого «следака» выедаёт мозги, прогоняет сон и заставляет втаптывать самого себя в ничтожество. Совесть – лучший контролёр.

Вот только эта эйфория быстро развеялась. Перестала «вставлять». Как добротный крепкий наркотик, на который подсаживаешься махом, а слезть уже не удастся никогда. И путь остаётся один – увеличивать дозу. Только тут не наркерынок, товар не пойдёшь, не купишь.

Дело в том, что материал начал подкачивать. Не те люди стали попадаться. Не тот размах, не тот калибр. На волне последних перемен стали косить под одну гребёнку всех, кто плохо шевелился. И пошли к нам в камеры гуртом разные хапуги, воры и взяточники. Да всех мастей гопота, которая, следуя сезонным обострениям, выливала свою немотивированную ненависть на любого ближнего, что попадался под руку. А там что? Чуть превысил зыбкий, определяемый на глаз, уровень жестокости и на тебе! Он зашкалил за высокий, и – будьте любезны! Получите «вышку». А президент чётко обозначил всю классовую нетерпимость к чуждым элементам вроде зверья, маньяков, педофилов и прочих непонятных нашему патриархальному обществу вырожденков. Они пошли обильным потоком по изоляторам, чтобы потом ручейками этапов осесть у нас в камерах смертников фальшиво-слезливыми мутными лужицами. Целый отдельный блок для них выделил мой предшественник. И он никогда не пустовал.

Говорить-то я с ними говорил, но слышал в ответ в основном одно и то же. Будто они из камеры в камеру по «коню» передавали одну и ту же заезженную пластинку. И жевал я этот безвкусный пластилин уже по инерции, от безысходности. Изредка только попадались настоящие перлы. Крупные отборные жемчужины тёмного глубинного преступного мира. Вот они-то и доставляли мне теперь истинное садо-мазохистское удовольствие. Только такой товар был редок, ценен и штучен. Или я быстро приелся и оборзел. Моё эго требовало выхода, а умерить его я пока не научился. И оно свистело паром в клапан, травя, но, не успевая, накапливаясь в шатком котле моего кипящего разума. Передержи – и взорвётся. Только пока проносило. Нет-нет, да и заезжал к нам какой-нибудь уникум, с которым было приятно пикироваться и дожимать его до доньшка, до самой истины на дне его тёмной сущности. И когда катились слёзы просветления и раскаяния по его телесной оболочке, зримо олицетворяющей его раздавленную вдрыск внутреннюю суть, я испытывал триумф и облегчение. Когда он рыдал над своими жертвами и поступками, логика которых развалилась под ударами моих хитрых схем и доводов, я подспудно чувствовал такое же облегчение, будто свою вину за его казнь перекидывал на чужие неизвестные мне третьи плечи. Или разделял её пополам, чтобы она стала меньше и незаметнее, притворилась чем-то вроде невинного стыда за простую бытовую оплошность. Замаскировалась под рядовую обыденную рутину.

Страшная сила – власть. Говорят, она развращает. Возможно. Но я всегда старался использовать её дозированно и аккуратно, не пережимая и не перегибая. Благо, корысть и тупость не мои спутники по жизни. А вот бремя интеллекта давит нещадно и ощутимо. Особенно долгими тёмными ночами. Особенно после казни.

Ведь я никогда раньше не убивал людей. Да что там людей, я даже животных не трогал. Мне это казалось чем-то из параллельного мира, что никогда со мной не может случиться априори. По условию задачи. Но вопреки всем теориям в формулу моего существования ворвался этот отвратительный интеграл и перевернул, смешал, рассыпал её в некое корявое бессмысленное нагромождение символов и цифр, замшелых догм и побитых молью устоев. Они отнюдь не скрепляли и не восстанавливали прежний чёткий порядок, а просто кое-как держали на плаву утлое судёнышко моего рассудка. Качается лодочка, а шторм крепчает...

– Каким образом ты увеличишь дозу? – не понял Петя.

– Я некорректно выразился. Увеличивать надо не количество, а качество. А преступники, как правило, не блещут эрудицией. И всё опять скатилось в рутину.

– Что, таки нету достойного противника? – глаза у Пети заблестели и не только от выпитого.

– А ты думаешь, мне там, в центре, по спецзаказу отбирают рафинированных интеллектуалов?

– И нет ни одного матёрого маньяка? – спросил он почти с сожалением.

Я сделал непроницаемо-загадочное лицо и утробным голосом продекламировал:

– К нам сегодня приходил некро-педо-зоофил! Мёртвых маленьких зверюшек он с собою приносил! К удивлению всех нас он провёл свой мастер-класс...

Посмеялись. Потом я допил остатки пива в своём бокале и зажевал резиновым кальмарным колечком, оказавшимся весьма не дурным на вкус. И сказал уже серьёзно:

– Ты думаешь, нам в «зону» Чикатил и Муханкиных по разнарядке поставляют? Или их такое огромное количество, что все тюрьмы от них уже ломаются? Нет! Настоящий маньяк сейчас редкость. И, не потому что их так мало, как амурских тигров. Они есть. Где-то ходят, что-то делают, строят коварные планы. Просто поймать их не так просто. Да и «опера» теперь умные стали. Стараются таких живьём не брать. Чтобы уж наверняка. Были ж в своё время случаи, что такие вот уроды отделялись «пятнашкой» особого режима и потом счастливо доживали.

– А кто там у тебя сейчас? – ковырнул в десне зубочисткой совсем уже захорошевший Петя, которого теперь тянуло на «клубничку».

– Да так. Шушера в основном. Один насильник, почти что педофил. Ей до совершеннолетия месяц оставался, а он и не в курсе был. Трахнул, получается, де-юре, малолетку, да так жёстко, что она в реанимации «кони двинула». Теперь вот ожидает ответа из Министерства на своё прошение о помиловании. Скоро уже должно прийти. Наглый, как танк. Я, правда, с ним толком ещё не общался. Успею. Думаю, интересный экземпляр.

Петя разлил по новой, и мы чуть коснулись краями, вызвав тонкий и тихий мелодичный звук. Так по-трезвому никогда не получится.

– Ещё есть убийца. Лётчик-налётчик. Трёх инкассаторов положил. Намотали по полной. Рецидивист, трудное детство, «зона» – дом родной и всё такое. После выходных собираюсь им плотно заняться. Ему уже ответ пришёл, вот думаю, когда ему сообщить. По инструкции положено непосредственно перед «исполнением», но интереснее, когда чуть раньше. Посмотреть на эту последнюю его метаморфозу, почуять агонию. Хотя и тут есть свои нюансы. Например, возьмёт и удавится, поперхнувшись языком...

– Судя по всему, ответ пришёл отрицательный, – влез Петя, перегибаясь через весь стол, чтобы дотянуться до покрытых лохматой бахромой, медовых от жира полосочек рыбы, и от резкой перемены положения неожиданно одновременно оглушительно рыгнул.

– Будь здоров! – улыбнулся я.

– Спасибо! – ничуть не смутился он.

– Да ты просто сама проницательность! Такому волку Верховный совет ни в жизнь не заменит казнь заключением. Так, кто там ещё? Есть ещё чиновник средней руки, бывший депутат какой-то из соседней области. умнейший человек. Привезли к нам оттуда по обмену. Мы им туда мудрёным выбором нашего местного террориста отправили. По обмену, как говорится, премудростями. Не положено своих, местных, у себя исполнять. Кстати, тот депутат всего лишь взятку хапнул, да прокололся. Подстава была.

– Много?

– Как раз чуть больше положенного лимита. Мы ещё посмеялись. Взял бы двумя приёмами, поехал бы отдыхать на десятку в Коми, лес валить, гнус кормить. А так – оптом – влетел по самое «йо-хо-хо». Его свои же подставили. Видать, делился плохо или «крысил». А может, просто нехороший человек.

– Редиска, – согласно кивнул Петя.

– Ну, этот так, ни о чём. Весь поплыл сразу, хотя потом собрался. Но наш доктор сказал, что это просто психологический шок. Он сначала в ступор впал и сидел целыми днями

в камере, как пень. Раскачивался и молчал. А потом отошёл. Я с ним всего два раза побеседовал, и этого хватило. Он сперва в штывы, но стержня нет, надавил я ему на психику, он и посыпался. Немолодой уже, быстро у него «понты» отвалились. Пересмотрел он с моей помощью весь свой внутренний мир, и понял, что не тем всю жизнь занимался. Как-то так складно у меня получилось его расколоть, что самому странно. Ведь я вижу, что он искренне раскаивается. Но как-то преувеличенно искренне. Качнуло ему барометр из полного шторма в полный штиль. Такие привыкли жить не оглядываясь, а потом принимать всё как данность. Как я ему сопротивление отключил, так он в раскаяние, как в спасительную гавань нырнул. И плещется теперь в ней, как дельфинчик на солнышке. Наслаждается собственной порочностью и низложением. Медуза. Тварь и ничтожество.

– Любишь ты людей! – усмехнулся Петя и вспомнил про сигареты. – А ты сам к вашему штатному психологу не пробовал заглянуть?

– Наш психолог – девушка только из университета. У неё практики – ноль. Скорее это я её перезагружу, чем она мне как-то сможет помочь прочистить мозги. Ерунда эта вся психология. Я сам себе психолог, почище дипломированного.

– Ну да! Вон ты как народного избранника грамотно «нагнул», аж самому приятно!

– Такие дележки только на воле пальцы гнут по кабакам, да в кабинетах своих, а когда к нам попадают, так сдуваются, как дырявые кондомы. Да он не один такой. Завтра вот буду приводить приговор для простого гражданина, почти пролетария. Если б он ещё работал! Короче, яркий представитель маргиналов, практически выставочный экземпляр. Ты б его видел! Одна рожа чего стоит! Я, когда его первый раз увидел, думал, врачи ошиблись, дебила к нам направили. Потом сопроводилровку читаю – нет! Вменяемый. Но это реально надо видеть. Ублюдок конченный. Длинный, худой, рожа, как у троглодита. Вся башка в шрамах, спрашиваю – откуда? Говорит – бутылки бил. Зубов нет, заикается, как последний мудак, ничего не разобрать. Обезьяна конченная.

– А что натворил?

– Набухались они с корешем и какой-то синявкой вокзальной в одном из подвалов, его потом на любовь потянуло. Кореш – в щи, синявка ещё держится. Он к ней. А та, хоть и не Анджелина Джоли, но с таким «Бельмондо» в близость вступать наотрез отказалась. Я себе представить не могу, кто вообще с ним в постель лечь может? Там такое чучело! Ему и за деньги-то не дадут! Разве что за бешеные. Так вот, он её ещё подпоил и давай настаивать. Она ни в какую. А у него либидо разыграло. Спермотоксикоз на фоне хронического недотраха. В общем, рубанул он её, как себя давеча бутылкой и давай на ней жениться. А когда слез, она уже остывать начала. Он ей гематому под черепом организовал, та на какой-то участок мозга надавила и отключила то ли дыхание, то ли стартер к сердцу. Не помню, я не вчитывался особо. Потом они с дружкой своим ещё сходили за одной, раздавили и он по второму кругу её оприходовал. Дружок тоже загорелся, полез и с удивлением понял, что вступил в интим с трупом. У него культурный шок, претензии, шумер и скандал. Тогда наш герой и его «розочкой» потыкал, да давай «плести лапти» в быстром темпе. Да только в подвале темно было, а он весь в крови оппонента выкрасился. Его патруль «тёплым» и взял. И по горячим следам в подвал. А там дружок ещё живой. Грязно он сработал, не добил, киллер комнатный. Менты дружка в оборот и очень быстро и технично его раскрутили, как там и что было на самом деле. Не свезло моему клиенту. Дружок показания дал, а ночью ему поплохело, что-то там врачи недоглядели, он «ставни и закрыл». Вот тогда и вышла нашему Казанове расстрельная статья. Кстати, вот ему я до последнего решение по его прошению о помиловании не объявлял. Всё по правилам, и оно того стоит. Посмотрю завтра на его морду лица.

– Сказочный долбоёж! – засмеялся Петя. – А ты говорил, маньяков нет! Вон и некрофилия и серия!

– Именно. Как говорится, вообще странно, что люди тонут! И вот такими упырями у меня почти вся «зона» укомплектована. Спецконтингент, мать его! Говнари и обрыганы на девяносто пять процентов. Сплошь мизерабли и моральные калеки, даже те, что из элит всех сортов. Каждый считает себя пупом земли, никто не то, что меняться не хочет, он саму мысль об этом считает ниже своего великого чувства собственной важности! И откуда они все повылезли, Петь? Ведь раньше, помнишь, когда мы сами маленькими были, всё ж спокойно было! Гуляли допоздна и не боялись. Никто водку в песочнице не «жрал». Да что там, стаканы гранёные из автоматов на улице не воровали! А если и брали попользоваться, так потом на место приносили! Куда всё ушло?

– Это точно! – Петя пригубил свой бокал до половины. – На подъездах домофонов и замков не было, так и не ссал никто! Соседи все друг друга знали! Велосипеды на площадке стояли без страха быть сворованными! Ключи от квартиры под коврик клали!

– И так всё изменилось за двадцать лет! – я горько вздохнул и тоже вытянул сигарету из пачки.

– Так раньше и милицию уважали! Вспомни! А сейчас полицейских на общих основаниях отбучать могут на голубом глазу.

– Так они и сами недалеко от маргиналов ушли. Ты посмотри вокруг! Иной раз идёшь и сомневаешься, полиция это или гопота в форме! – я выпустил первую сладкую и плотную струю сизого дыма. – Да ладно! Чего там говорить! Кто виноват? И что теперь делать? Не дают ответа!

– Так президент всё видит! Смотри, сколько у тебя работы! Борьба пошла нещадная...

– Не, это тебе кажется. Оно волнами идёт, никогда не угадаешь, тучный будет год или тощий. Да и конъюнктуры полно. Вон пошла волна борьбы с коррупцией, так теперь всех подряд грести стали и втыкать на всю катушку. Бей своих, чтоб чужие боялись. Президент себе к выборам рейтинг делает, а головы летят!

– Лес рубят, щепки летят, – философски подметил Петя.

– Так в том и засада, что мне эти головы и приходится рубить. В прямом смысле! А я уже устал. Меня изнутри уже всего выжгло. У меня мозги закипают, стоит чуть задуматься! Я каждую ночь до зари уснуть не могу! Гоняю эти мысли против воли и отключаюсь на пару часов. Как в болото чёрное, без сна. И встаю уже вымотанный.

– Выпьём! – преувеличенно бодро предложил Петя.

Мы выпили. Пожевали жёстких, как картон анчоусов. Покурили. В разговоре возникла пауза, но нас она не смущала. Наша дружба была глубока, и погружение в такие пучины молчания было для нас делом привычным. Это как паузу на плеере поставить. Разговор мог продолжиться спонтанно и непринуждённо в любой момент, словно перерыва совсем не случилось. Потом неожиданно зазвонил Петин телефон, и он вступил в диалог со своей благоверной, решившей проверить, как там протекает трудовой вечер пятницы. Судя по всему, она его «выкупила», потому что он долго мурлыкал, а потом и блеял, пытаясь успокоить нескончаемый поток живительных «люлей», который она вкручивала ему в ухо, как тупое сверло. Я успел опорожнить ещё два бокала и выкурить пару сигарет. Пиво раздуло мне весь желудочно-кишечно-мочевой тракт и тяжёлой плитой опьянения поднялось в голову, как грузовой лифт. Оно давило на сознание, туманило и набивало звенящей ватой уши. А ещё пузырь неожиданно кольнул, напоминая о том, что пора бы слить отработку.

Я побрёл в сортир и долго мочился в белый фаянс унитаза. Низ живота будто сдавило сферическими тисками. И хоть нужда была огромной, моча почему-то выливалась тоненькой слабой неубедительной струйкой, норовя оборваться, переходя в капель. Я тужился до рези, пыхтел и опирался ладонью о стену, чуть покачиваясь, устав и теряя равновесие. Видимо, у меня что-то с простатой. Странно, до сорока мне ещё два года. Да и к женскому полу тяга моя

заметно упала в последний год. Что-то нехорошее со мной происходит. Разваливаюсь на ходу. Нервы, нервы...

– Жена? – деловито уточнил я у раздосадованного Пети, когда вернулся.

Он раздосадовано кивнул, нервно перемалывая сухари. Умела она вывести Петюню из равновесия. Теперь он может психануть и поехать по бабам. Только я теперь ему уже не попутчик. Давит пиво на мозг и ничего уже не хочется, кроме как упасть в кровать и перманентно помочиться.

– Ты-то когда женишься? – решил не развивать скандальную тему Петя и перевёл разговор на меня.

– Не знаю, – честно пожал я плечами. – Раньше условий не было. А теперь и желания нет. Перегорело это всё. Супруга, дети... Где я и где семейный очаг с его борщами, тапками и уютом? Не, мне и одному хорошо. Я одиночка. Как ты верно подметил, я – оголтелый социопат и махровый мизантроп. Я всех ненавижу, презираю и не уважаю. Мне доставляет удовольствие морально убивать людей. Наверное, я недалеко ушёл от своих клиентов.

– Жаль, что убивать их физически тебе не приносит радости, – не подумав, ляпнул Петя. – Это бы многое упростило...

Я долго вглядывался в его лицо, пытаюсь понять, спьяну он так брякнул, пошутил или действительно так думает. Петя сначала не заметил моего пристального гипноза, потом заёрзал, забегал глазками.

– Извини, – наклонил он повинную голову и ободряюще хлопнул меня по плечу.

– Дурень ты, – простил я Петю. – Если б я любил убивать, ты б со мной тут пивко не сосал. Не за это мы с тобой друг друга любим...

– Это так, братушка, это верно, – засуетился Петя, нащупывая не глядя очередную «сиську», начиная открывать и наполнять бокалы вновь, спеша перевести тему: – Вот давно хотел уточнить, как так получается?

– Что?

– Как в тебе это всё уживается в одном флаконе?

– Не понял?

– Ты же мизантроп. Ты не любишь людей. По сути, они должны быть тебе глубоко параллельны и даже отвратительны. Значит и «мочить» их можно, как паршивых овец, без переживаний и самокопания. А ты при всём том умудряешься так загрузить себе башку, что убив уroda, не спишь потом ночами.

– Ты думаешь, мне их жалко что ли? – я удивился и даже остановил руку с полным пивом бокалом. – Жалко, это когда мышь нечаянно раздавил, хоть и не собирался. Просто смерть мыши я как-нибудь переживу. Даже если придётся в неких обстоятельствах её прибить нарочно. Будет неприятно, но терпимо. А вот человек, это другое. Ведь любая жизнь бесценна! Какой-то внутренний стопор у меня стоит. Запрет. Табу. Не знаю, откуда он взялся, от воспитания, образования или такой уж я родился, но вот мой внутренний цензор и контролёр всегда вопит: «Нельзя!». Даже не знаю, с чем сравнить. Ты-то сам как? Убил бы, коли было бы тебе такое задание?

– Ну-у-у, – задумался Петя, наморщив лоб. – Тут так сразу не скажешь. Убил бы. На войне ж вон убивают десятками. Или вот если б такой маньяк мою Лизку...

Он пьяно сморщился, уйдя внутренним взором в ту картину, которую сам себе нарисовал. Скрипнул зубами. И я понял, что Петя «накидался».

– Тут бы я без сомнений порвал бы на тряпки любого...

– Нет. Это всё не то. Того, кто лично тебя так осиротил, ты убьёшь в порыве чувств и будешь для себя прав до последнего вздоха. Тут тебя даже отец Сергей не переубедит, что ты сильно согрешил. А на войне, там тоже всё понятно. Или ты, или тебя. Или свои тебя «замо-

чат», если во врагов стрелять откажешься. А когда это твоя повседневная работа, когда твоё право убивать узаконено, причём не твоего личного врага, а некоего постороннего дядю...

– Так для государства он – враг!

– Но я-то не государство!

– Так ты докатишься до неполного служебного соответствия, – неожиданно глубоко и умно предостерёг Петя.

– Знаю! – я зло жеванул горсть анчоусов. – Под меня уже копают, но я не дремлю. У меня тоже, знаешь, все ходы записаны! Хрен им от советской власти, а не Глеб Панфилов в отставке. Так вот, о чём я? Да! Я – не государство! Я – не безликий его винтик, бессмысленно и беспощадно, чётко и в срок помогающий крутить общий механизм. Я – человек, со своими принципами, привычками и мировоззрением. И то, что мне дали в руки меч правосудия, меня не возбуждает и не радует. Из-за этого всё моё мировоззрение херится, привычки меняются, а принципы предаются. И это усугубляется всё глубже и глубже. А я, даже фантазируя, что те, кого я стреляю, что-то сотворили с моими близкими, всё равно не верю сам себе, не могу разозлиться и пойти по этой спасительной лжи самому себе. Рука не поднимается. Это, наверное, противоестественно? Или я конченный пацифист? Да у меня и родных-то уже не осталось, представлять нечего. Нет, не то это всё, не то... Вот так, как мне, если б тебе дали в руки «Наган» и сказали: «Стреляй, Петя, это преступник, он сделал то-то и то-то, он официально государством умерщвлен, как бешеная собака, осталось только выполнить формальность. Маленькую. Стрельнуть в него и привести в неживой вид, а то он уже тут лишнего наел и надышал. И тебе, Петя, за это ничего не будет. Даже ещё премию дадут в конце квартала!». Стрельнул бы?

Он задумался, но ненадолго. Посопел, пожевал рыбью полоску, а потом хлебнул пивка и твёрдо сообщил:

– А стрельнул бы! Хоть узнал бы, как оно? Каково это, человека убить?

– Вот ты дятел пёстрый! – огорчился я. – Всё, о чём я говорил, ты опять вывернул в теорию и какие-то предположения и мечтания. Или ты, как товарищ Сталин, который любил пошутить на встрече выпускников своей семинарии, напевая им песенку: «Ти хто такой?! Давай, расстреляю!». Всё гораздо серьёзней. Я тебе так скажу, когда я первого своего казнил, у меня весь мир перевернулся. Словно было у меня две жизни. Одна «до» и вторая «после». И шагнув через эту грань, я уже к первой не вернусь. Никогда. Назад дороги нет. Я сам будто умер. И воскрес уже с клеймом. Которое не отмыть...

– А кто ж тебя заклеил-то? – ехидно попытался подловить меня Петя.

– Он, – я поднял палец вверх.

– У тебя ж с попами, вроде, «контры»? – правильно понял мой посыл хоть и пьяный, но смыслённый Петя, недаром понимающий меня с полуслова, ведь мы с ним лучшие друзья.

– А попы и не причём. У них функция проводников. Они, как провод от выключателя до лампочки. Лампочка – Бог, который и так всем светит. Выключатель у каждого в душе. И это Вера. Поверил человек, выключатель – щёлк, перевёл его сознание в режим Веры. А если человек сомневается, вот тут появляется провод. Священники лишь могут Веру укрепить. Если она есть. Ведь Вера – дело добровольное. Насильно верить не заставишь. Вот они и тужатся, подводят Веру к каждому выключателю, и включенному, и выключенному. Бывает, и включают. А мне Бог и так светит. Мне костылей в виде религии, церквей и прочих внешних атрибутов не надо.

– Так если веришь, то зачем сомневаешься? Бог тебе всё простит.

– Именно, что сомневаюсь. Во многом сомневаюсь. Раньше думал – Бога нет. И это страшило. Вот умру я, как истинный коммунист-атеист и не станет меня. Совсем. Вообще. Черви доедят протоплазму, и только памятью в ваших мозгах останется воспоминание обо мне. А меня просто сотрут. Как файл с жёсткого диска. Тогда зачем я жил? Для чего дышал, что-то делал, что-то думал? В атеизме смысла нет. Но теперь для меня это был бы неплохой

выход! А что? Умер – и всё обнулилось! Все счета и все долги! Красота! Но я поверил. Потому что так жить и так думать страшно. А Вера даёт шанс на какую-то надежду, что после того, как моя протоплазма придёт в негодность, у меня будет бессмертная душа. И вот ей-то долги и счета не закроют. А спросят по полной, за каждую мелочь, за каждый «косяк». А убийство, это, брат, тот ещё «косяк». С большой буквы «Косяк».

– Так ведь получается, что те, кто на войне...

– Да! И они тоже. Там какие-то другие мерки, уже прикинутые местными религиозными течениями, но всё равно и там убийство это грех. Как вирус оспы в вакцине. Мёртвый, но от того он не перестаёт быть вирусом. Для организма действие послабее, но и от вакцины ты болеешь. А грехи замаливать надо. Причём искренне. Вот тут у меня и затык. Гордыню я свою могу сломить и прийти, помолиться, а вот искренности не наскребу. Не сложил я пока в голове все пазлы. Работаю над этим...

– Ты в Ад боишься, что ли попасть? – спросил Петя так, будто уличил меня в постыдном невежестве.

– Ты так сказал, словно я боюсь, что меня сферический единорог в вакууме забодает. Да! Есть такая концепция. Я не имею в виду вилы со сковородками и свинорылых парнокопытных чертей во главе с Вельзевулом с членом во лбу! Я имею в виду, что по поступкам душа может попасть в некие сферы, где будет долго мучиться. От одиночества или от непонимания, или ещё какими-то моральными пытками. У души-то нервов нет, болеть нечему. А она болит. И там это может длиться вечно. Вот что меня ужасает. А я не хочу грустить вечно. Мне и тут, в короткой временной жизни на этой сраной планетке хватает грусти и печали.

– Вот ты мракобес! – заплетающимся языком сообщил Петя, давая понять, что не осознал и половины мной сказанного. – Забил себе голову какой-то хернёй и «куботорит» почём зря. Горе от ума! Проще надо быть, Глебушка, и люди потянутся...

Так мы и беседовали до глубокой ночи, то трезвели, то вновь жадно пили, вяло закусывая усохшими остатками разносолов. Курили и бегали то и дело отливать. А потом Петю окончательно переклинило (у него это систематически случается в определённый момент) и он совсем не в тему неожиданно сказал:

– А давай по бабам?!

– О! – искренне и освобождённо рассмеялся я. – Всё, финиш! Всё, Петя, хорош гулять! Какие бабы?! Ночь на дворе!

– Нет, ну а что? – Петя как всегда в такой момент был настроен серьёзно и основательно, и это было верным признаком, что он скоро вырубится безмятежным сном.

– Не в мои годы по бабам ночами шляться и не в моей солидной должности. Да и не хочется мне. К тому же, ты женат, у тебя Вика, Лизка и Ромка. А у меня Танюха в конце концов! А я ей не изменяю. Грех это! Прелюбодеяние!

– Опять... – поморщился как от лимона с горчицей Петя. – Мракобесишь мне тут...

– Цыц! Закончили приём пищи, выходим строиться! Давай, я такси себе вызову, а ты спать ложись! Кто завтра ремонт делать будет?

– Да уж не такие мракобесы, как ты! Слушай, а давай махнём не глядя? Ты тут кухню мне доделаешь, а я пойду, того ушлёпка шлёпну по-быстрому и дело с концом! Я обещаю, меня совесть мучить не будет. С бодуна оно легче...

– Правильно! – я приобнял его за плечи. – Кабы можно было, я б с удовольствием!

Петя тяжело, хватаясь лапками за стенки, отправился в уборную, а я вытащил сотовый и набрал номер такси. Тут же, после первого гудка мне в ухо вонзился острый, как спица, голос диспетчерши, скороговоркой отгарабанившей мне стандартное приветствие, половины слов из которого я не разобрал. Я продиктовал ей адрес, и она пронзительно пискнула:

– Ваш заказ принят, ожидайте!

А я вновь закурил, с грустью оглядывая изувеченную гулянкой «поляну». Теперь она напоминала Сталинград после битвы. Разорённые, изгаженные тарелки, трупики анчоусов, обрывки рыбок, ниточки кальмаров, как остатки колючей проволоки. Лужицы пива, натёкшие вместо бледной рыбьей крови и плавающие в них мокрые «бычки». И сигаретный пепел, рассыпанный повсюду, припорошивший угасший бой. Мерзость запустения. Быстро отгремела наша пятничная война с зелёным змием. И кто в ней победил, непонятно. Утро покажет. Утро вечера мудренее.

А пока мне хорошо. Шумит в голове хмель, как комар в воздушном шарике летает. Тяжесть прошла, осталась беззаботная лёгкость повторного опьянения. Меня всегда волнами накрывает. Сначала первая, тяжёлая, как пресс, потом отпускает, уходит, как море в отлив, а если успею достаточно и вовремя добавить, то вскоре приходит вторая волна, теперь уже мягкая и тёплая. Ласковая и родная. Она умиротворяет меня с внешним неприветливым миром, снимает статическое напряжение между ним и мной, ненавязчиво мирит нас и внушает исподволь мысль, что не так уж этот мир и плох, если не приглядываться. И всё в нём теперь будет складываться хорошо и успешно, весь он будет повёрнут ко мне только солнечной стороной.

Я знаю, что это ложь и неприкрытый обман, но обманываться и рад. Я дорожу каждым мгновением этого редкого состояния гармонии с внешним миром. Как сёрфер, поймавший волну, я скольжу по ней, наслаждаясь процессом, чуя, как грусть и тоска тонут где-то позади, не успев укрепиться на моей алкогольной доске, как вина и страх растворяются встречным солёным потоком, как исчезает камень с души, будто он сделан из сахара и теперь расходится в тёплой воде, исчезая и облегчая мне жизнь. И если совсем не думать, что всё это временно и скоро пройдёт, что всё это только самообман, то можно побыть некоторое время абсолютно счастливым.

Покой!

Вот главное наслаждение человека. Не радость, не восторг, не половодье гормонов, не вкус самого изысканного яства, и никакие прочие ощущения, вроде триумфа и доминирования. Никакая власть и никакие блага не выражают той эйфории, которую даёт простой покой. Когда ты ничего не должен миру, и мир ничего не хочет от тебя. Стрелки на весах поймали равновесие. Крашенные зелёные уточки сошлись носик в носик. Как на старом рынке моего детства. Баланс и равновесие.

Покой.

Покой нарушил телефонный звонок. Такси ожидало меня внизу. Я прошёл в комнату и с удовлетворением отметил, что Петя, как примерный отец и муж покладисто уложился в постель. Вернее, он рухнул, в чём был, поперёк не разобранный кровати и теперь что-то себе булькал углом рта в подушку, успев основательно отрубиться. Одну руку он заложил под голову, вторую вытянул вдоль туловища. Ступни висели через край, и на одной ещё чудом покачивался маятником тапок. Рядом с безжизненным телом чернел прямоугольник смартфона. И мне пришла в голову шальная мысль.

Я ухватил его аппарат, порылся в приложениях и отыскал диктофон. Включив, поднёс к губам и замогильным протяжным голосом провыл:

– Пе-е-е-тя-я-я! Пе-е-е-тя-я! Помоги-и-и мне-е-е! Пе-е-е-тя-я, здесь так хо-оло-одно-о! Зачем ты сделал это со мно-о-ой?! Заче-е-ем?! Пе-е-е-тя-я!! У-а-а-а-у-у-у!!

После этого я сохранил запись и теперь откопал будильник. Поставил его мелодией свою жуткую запись, а время выставил на полчетвёртого ночи. Авось уже проспится и услышит. Потом аккуратно уложил заряженный гаджет на тумбочку, чтобы звук хорошо отражалось.

– Спи спокойно, боевой товарищ! – тихонько проговорил я себе под нос, прощаясь. – Родина тебя не забудет!

И вышел за дверь, стараясь не шуметь. Благо она защёлкивалась на замок и снаружи, стоило её захлопнуть. Не дожидаясь лифта, так как этаж у Пети был всего лишь третий, я дробно

ссыпался по лестничным пролётам вниз, прихватывая на поворотах стыки перил. Машина терпеливо ждала меня уютным островком света над панелью. Водитель неторопливо и смачно курил в форточку.

Мы помчались по тихим безлюдным улицам с редкими автомобилями, терзаемым только сполохами зелёного, жёлтого и красного светофорных маяков. Фонари проливали конусы какого-то гнойно-коричневого света себе под основания. И ещё мерцали всеми оттенками жёлтого разрозненные и несимметричные окна в панельных унылых «хрущёбах» и свежих кирпичных многоэтажках.

Я жил в другом районе и, когда мы въехали в него, разбитые дороги прогнали сморившую меня дремоту. Я часто заморгал и начал озираясь, не узнавая привычные улицы. Потом определился и сориентировался, показал шофёру, где удобнее и скорее проехать в наших лабиринтах дворов и проездов.

А когда уже дома выключил свет и с облегчением растянулся под одеялом, вдруг чётко и остро осознал, что совершенно трезв. И первый робкий ночной страшок кольнул меня в сердце комариным жалом, будто проверяя, годится ли эта кровь, чтобы её попортить или стоит подождать, пока клиент окончательно созреет. И не найдя алкоголя в пробе, осмелел.

Кто-то скажет – хороший метаболизм! Здоровое сердце гоняет кровь по чистым сосудам, почки неутомимыми насосами перекачивают через себя жидкость, печень мощным влажным тугим фильтром абсорбирует заразу. Поджелудочная вырабатывает на-гора ферменты, расщепляющие и преобразующие яд в воду и какие-то кислоты. Механизм работает, как часы и мне можно только позавидовать. Ведь мне вдвойне повезло. Я, при всём том обилии алкоголя, что потребляю последние полгода, ни разу не почувствовал себя от него зависимым. Беспричинная рефлекторная тяга отсутствует напрочь. Пью только по суровой необходимости.

Говорят, алкоголь – бич нашего общества. Бич. Кнут. Арапник. Мне вспомнился мой давнишний поход в цирк в компании одноклассников из юридического института. Представление тогда давали не очень интересное для нас, здоровых жизнерадостных лбов, поэтому мы, как могли, сдабривали и веселили его прихваченным с собой пивом. Не таким, какое мы пили с Петей, а обычным, как сейчас модно говорить, порошковым. Дерьмовым пойлом, кое-как созревшим уже в «сиськах», с невразумительным, но пафосным названием. То ли номерная «Северная Пальмира», то ли «Жирдяй», не помню. Не в этом суть. Главное, шибало оно по башке здорово, особенно на голодный студенческий желудок.

А изюминкой представления было второе отделение. Чего, собственно, все собравшиеся и ждали, а уж мы, разогретые «пивчанским», особенно, исчерпав в первом все остроты по поводу неуклюжих акробатов, некрасивых гимнасток и несмешных клоунов. И исчерпав само пиво. В антракте мы выскочили в заплыванный вонючий туалет с остатками былой роскоши, покурить. Хромированные рукоятки для ручного слива над фаянсовыми писсуарами с оранжево-ржавыми полосами на внутренних поверхностях. Стены, нарезанные, как вафли, в мелкую клетку облупленного и сколотого кафеля. Широленные, но с почерневшей по краям амальгамой, зеркала. Высоченный потолок и мёртвенные синюшные лампы дневного света, тревожно и неравномерно помигивающие. Хорошо, что граффити тогда ещё только набирало обороты и малолетние вандалы не добрались до такого роскошного сортира, каким был цирковой. И непередаваемый убойный запах настоявшейся на хлорке ссанины.

В фойе и на манеже пахло по-другому. Там, как старая вода в аквариуме, стоял неистребимый запах дикого зверья, приятно-волнующий и будоражаще-тревожный. И когда мы вернулись на свои места, по периметру манежа уже установили высокие прямые решётки. Выступала труппа львов. Всё по одной заезженной схеме – прыжки через кольца и друг друга, пробежки и прочая лабуда, честно говоря, не этим мне то представление запомнилось.

А вот под занавес маэстро укротитель вдруг предложил любому из зрителей войти один на один в клетку со львом. Мои оголтелые и чумные от пива товарищи принялись возбуж-

дённо подначивать и подпихивать меня в плечи, и я, сам уже возбуждённый и заинтригованный, неожиданно решился и поднялся. В голове билась мысль, смогу ли я, не страшно ли мне там будет и, как ни странно, успеть бы вперёд любого другого добровольца. Но больше дураков не нашлось и я, с неким замешательством ступил на опилки круглой плоской чаши манежа.

Усатый, наряженный в гусарский мундир помидорного оттенка, маэстро восторженно вещал про мою смелость, потом махнул кнутом с оглушительным, как выстрел, щелчком. Милостиво дал его попробовать мне. Я, чувствуя себя почти Индианой Джонсом, взял бич, или кнут, как потом он объяснил, арапник, и тоже залихватски махнул. Но щелчка не вышло. Зал обидно посмеялся над моей неловкостью. Оказывается, не простое это дело, разгонять кончик хлыста до сверхзвуковой скорости, дающей тот самый сочный щелчок.

А потом он коротко проинструктировал меня о том, чтобы я стоял и не вздумал шевелиться, когда в манеж войдёт лев. И покинул арену в наступающей тишине, громко лязгнув железом решётки. И когда я остался один, если не считать одинокой тумбы, посреди этого амфитеатра, как неумелый гладиатор с дерьмовым кнутом, а все тысячи глаз с жадностью ждали зрелища, мне стало не по себе. По спине невольно побежали мурашки, а пальцы впились в арапник.

Часто забухтела барабанная дробь, и под скрип калитки на манеж вышел, неслышно ступая мягкими сильными лапами, здоровенный гривастый лев, тёмно-жёлтый с коричневыми подпалинами, даже с виду бывалый и матёрый. Вот тут-то я окончательно осознал, что стремительно трезвею. Лев чуть приостановился, внимательно меня осматривая, а моя душа рухнула в самые пятки, напоследок так крутанув стартер сердца, что оно застучало быстрее поршня в мотоциклетном цилиндре. Зверь же, оценив это жалкое зрелище, привычно протрусил к тумбе, вскочил на неё и устало ссутулился, вновь вперив в меня свои круглые жёлтые глазищи. А я смотрел, не моргая, следил за каждым его движением и чувал, что хмель покидает меня, как пар кипящий чайник. «Кипит наш разум замутнённый, и я в „толчок“ идти готов!» Сколько это длилось, я не помню, но к друзьям я вернулся в растрёпанных чувствах из смеси радости и обиды пережитого страха, совершенно трезвым.

Вот и сейчас страх выгнал из меня весь алкоголь. Потому что на мой вечно пустой внутренний манеж выползла из глубин подсознания моя жёлто-палевая гривастая совесть с совиными глазами. Она по-хозяйски запрыгнула на тумбу, словно понимая, что дрессировщика, способного защитить, на этом ночном представлении не будет. И можно не спешить. А я осторожно следил, сжимая арапник трезвомыслия, пользоваться которым я так толком и не научился. И запах страха, как запах львиного мускуса, слоился по этому призрачному цирку, ничем не выветриваемый.

Кстати, после я узнал, что тот лев, что произвёл на меня такое неизгладимое впечатление, на самом деле проделывает этот трюк уже много-много лет, а сам он едва таскает ноги, ибо уже стар и немощен. По сути, я интересовал его чуть более, чем та тумба, на которую он привычно забрался. Так что опасности для меня не было никакой. Если бы только я сам не полез бы к нему обниматься. Только тогда я этого не знал и, мозги мне прочистило основательно.

Моя совесть тоже старалась казаться старой и равнодушной. Только я знал, что она терпеливо ждёт, когда я ослаблю внимание и отвернусь. И мы следили друг за другом, сначала плотно, потом вполглаза, а потом, под утро, спасительное беспамятство, усталость и посталко-гольная интоксикация сморили меня, успев лавиной унести куда-то в недра сна без сновидений, мимо впустую щёлкнувшей пасти зазевавшейся совести.

Глава вторая. Каждый раз «исполняется» впервые...

Совесть обычно мучает не тех, кто виноват.
Эрих Мария Ремарк

Суббота!

Выходной для большинства трудового честного населения с чистой совестью и полным контролем над страхом. Я встретил её рывком, проснувшись от того, что успел увидеть зародыш сна. Там как всегда мелькало что-то непотребное, извращённое и гадливое. Как винегрет из картин Сальвадора Дали. Ничего не понятно, но отвратительно и тревожно. И успел ухватить посыл: «Я скоро до тебя доберусь!».

Фу!! Бр-р-р!

Голова привычно звенела, как пустой двадцатилитровый чан с вентилятором внутри. Вентилятор на одной ноте нудно гудел, гоняя по кругу рваные воглые мятые обрывки мыслей. Как куски липкой навязчивой паутины. Мысли кружили, сбивались в кучу, наслаивались одна на другую и смешивались в хаотичный бессмысленный клубок. Сегодня суббота. И не просто суббота. Сегодня суббота «исполнения».

Да. Мы исполняли приговор по субботам. Такая формальная сложившаяся и устоявшаяся традиция-предписание. Вроде, выходной день, нужно отдыхать, но суровые инструкции и наставления велят нам делать эту грязную работу под шумок выходного дня. Чтоб никто не догадался. Чтобы казнимый до последнего не понимал, куда и зачем его ведут. Да оно так и лучше. В колонии только дежурные смены, наряды и караулы, никаких лишних случайных свидетелей, сотрудников, административных клерков, посетителей и вообще, так спокойнее. Пережиток и архаизм прежних эпох.

Как штатный «Наган», из которого и производился выстрел.

При вступлении в должность я давал подписку о неразглашении и соблюдении всех установленных норм и протоколов. Да только плевать я хотел на них! Нет, конечно, я не шёл поперёк системы, не плевал навстречу ветру, однако и строго букве предписаний не следовал. Например, перенёс «исполнение» с неперемного ночного времени на дневные часы. Это только в романах про кровавый НКВД, все их страшные делишки происходят в ночной тьме. Также уже при мне сложилась неформальная процедура расстрела, немного подкорректированная на основании всех пристрастий тех, кто в ней принимал участие. Касалось это в основном соблюдения никому не нужных тайн по поводу и без. Кроме, естественно, самого виновника торжества справедливости, пожелания которого были никому не интересны.

За это могли и наказать, только мне теперь уже было всё равно. Люди, которые мне ассистировали, мне же и симпатизировали, хоть, я уверен, утечка всё равно идёт. Только пока я веду своё хозяйство ровно и без эксцессов, хрен кто до меня, без серьёзного повода, докопается! Ещё успеют скрытые враги, душные стервятники вдоволь потрепать моё тело, но пока не их час. А повезёт, их время никогда и не настанет. Соскочу я с этой мятой байдарки карьеры, бегущей по стремнине интриг, борьбы под и на ковре, в тихую пенсионную гавань, и поминай, как звали!

Только сегодня как раз надо выполнить ту самую дополнительную функцию. Как примерному ребёнку ложку рыбьего жира выпить. Не хочется, отвратительно, но надо. Иначе не отстанут. Иначе возьмут в оборот, ошельмуют и свалят с ног. А потом уже, лежащего, порвут в клочья, обваливают в смоле и перьях и будут долго смеяться, сыто тыкая пальцами и гордясь своим молодцеватым ублюдством, которое они называют умением выжить и сориентироваться в непростой изменяющейся ситуации. Карьеризмом и стяжательством, честолюбием и энергичной жизненной позицией. В общем, мрак. Как говорил давеча Петюня, мракобесие. Вот

уж действительно, бесятся бесы во мраке, пяточки держат по ветру, сучат в нетерпении копытцами, егозят хвостами. Коллеги, мать их! Сослуживцы-подчинённые, можно сказать, однополчане...

Так я невесело раздумывал, пока красный дежурный «жигуль» с одним из сменных водителей, прапорщиком Антоном, тряско нёс меня на окраину, к «родной» колонии. Она хоть и располагалась в черте города, но всё равно люди вокруг не ходили. Тут гнездилась вокруг пресловутая «промзона».

Фасад смотрел на корпуса старого, теперь почти покинутого завода. Что-то там раньше точили и сверлили, а потом, после приватизации, он резко захирел и скоростистжно загнулся. Цеха пустуют, стёкла выбиты, металл ржавеет, остальное гниёт. Только где-то у проходной ещё горит иногда свет. Там арендуют помещения какие-то мутные предприниматели, вершащие свои сомнительные концессии. То ли самогон гонят, то ли коноплю выращивают на гидропонике. А по ночам иногда слышны приглушённые неопределяемые шумы. Наверное, проводили чемпионаты по боям без правил или казино запускали. Да мало ли интересного можно провернуть в такого рода комплексах. Говорят, одно время на этот завод ложили глаз столичные байкеры. Хотели тут организовать свою базу, чтобы проводить не то шоу, не то оргии, не то шабашки. Только администрация завода завернула их с порога. Нечего, мол, вам тут делать, наймитам вертикали власти, новой неформальной опричнине, серой гвардии Первого. Так и убралась ни с чем. Смешные люди! Во всём остальном буржуазном мире, откуда и произошли настоящие байкеры, например, в США, некоторые особо отмороженные банды были в своё время лихо «выпилены» ротами агентов ФБР, причём, буквально. До смерти. И недаром они носят нашивку «1%», как воры в законе «оскал на власть», ведь они с ней априори враждебны. И только у нас, в сказочной стране, байкеры – большие друзья сильных мира сего! Нонсенс! Получают дотации, лепят уродливые фонтаны на годовщину бомбёжек, ездят в Германию брать Рейхстаг, вместо наркоты и оружия пытаются поднять заводы.

Кстати, давным-давно, на заре перестройки, когда силён ещё был «совок», прямо перед его скоростистжным инсультом в расцвете лет, завод этот пахал, как миленький. И наша колония кормилась от него. Ещё сохранились остатки крытого моста, по которому каждый день туда и обратно гоняли зеков в специально отведённые цеха для работы. Их изолировали от остальной, свободной части предприятия, возведя соответствующую охранную инфраструктуру. А потом всё пошло наперекосяк, появились новые хозяева, посчитавшие бесплатный труд заключённых нерентабельным и долго отбивающим вложения. И быстро распродали всё на металл и запчасти, лишив зеков последнего развлечения и занятия.

Так смешнее.

Левее раскинулись многие квадратные километры конгломерата гаражных кооперативов. Там, как в фавелах Рио, день и ночь кипит своя болотно-грязная, воняющая тиной, бензином и водкой, лягушачья жизнь автолюбителей всех мастей. Тут тебе и вечеринки со шлюхами без «блек-джека», и драки на монтировках, и торговля «планом» и «герычем». То ещё болото страстей.

Правее наоборот – тишь да гладь. Пустырь, превращённый соседними микрорайонами в стихийную помойку. Кружат над ним чайки и вороны, ползают, как вши, божьи в поисках артефактов вроде пустых бутылок, алюминиевых банок и прочего добра. Гуляют рядом худые бродячие собаки, полаивая на конкурентов, а иногда, совсем потеряв страх, поедают какого-нибудь бедолагу, к своему сомнительному счастью нашедшего недопитую бутылку и уснувшего прямо среди куч хлама. Я сам не видел, но истории такие ходят. За пустырьем зеленеет городской парк. Там уже начинаются зачатки цивилизации. Проложены дорожки, по которым бегают спортсмены, стоят комплексы из грубо сваренных труб – вотчина турникменов, в глубине попадают лавочки, задуманные для интима влюблённых, но постоянно оккупированные джентльменами. Джентльменами удачи разной степени маргинальности. Дворники потом без

зазрения совести ташат на соседствующий пустырь полные пакеты мусора, огромные, страшные, чёрные, будто они туда труп бегущего джентльмена, убившегося о турник, запаковали.

А позади колонии разверзся овраг. Летом он покрывается травкой с одуванчиками, журчит по дну весёлый ручеёк. Но гулять и наслаждаться тут особо нет желания, потому что на противоположном гребне торчат многочисленные кресты, памятники и надгробья городского кладбища. Такое тут у нас плотное соседство. Практически, модель круговорота жизни. Человек родился, пока рос, играл в парке, потом пошёл на завод, поработал. После работы попил чего-то в гараже с последующей весёлой разборкой. Если не повезло – сел в тюрьму. А потом с чувством выполненного долга, закончив свой жизненный цикл, перебрался через овраг на «крестовый хутор» с вечной постоянной пропиской.

В центре же всего этого колеса провинциальной сансары расположилась моя пресловутая колония. Здание её сохранилось ещё с довоенных времён, даже, дореволюционных, благо, в наш городишко немцы не входили. Солидная постройка из тёсаного дикого камня, теперь ещё окружённая по последним веяниям сайдинговым глухим забором с тремя рядами «колючки» по верху. Кругом датчики, сенсоры, камеры видеонаблюдения. На постройке прошлого века это смотрится нелепо и диковато. Как на черепахе диджейский пульт.

Камерную строгую обстановку внутри тоже немного подпортили строительные изыски послереволюционных, потом послевоенных и уже самых свежих, постперестроечных дизайнерских изысков. Вроде сложной, как клубок змей во время гона, водопроводно-канализационной системы, выведенной наружу, угрюмых бетонных шуб по стенам, чтобы не возникало желания прислониться, целые лабиринты проводок всех мастей, в которых не разберётся не только Тесей со своим клубком, а и сам чёрт во главе команды монтеров, техников и электриков.

Моя вотчина. Узилище. Застенки. Тюрьма. Но, конечно, тюрьма – это неформальное, общее название. Можно сказать, жаргон. Так её называют те, кто не понимает тонких различий между «централами», «крытками», «зонами» и «Лётно-техническими поселениями», сиречь «ЛТП». На самом деле это колония особого режима. Где исправляются до срока самые прожжённые негодяи, а некоторых исправляет могила с моим непосредственным участием. Здесь отбывают своё справедливое наказание и неотвратимое возмездие самые отпетые и отъявленные отбросы общества, человеческая накипь и социальный шлак. Варятся в собственном гнилом соку долгими однообразными годами. И рады бы себя занять, но, работы нет, производство свернули, цеха закрыли. Все заключённые просто «сидят», жрут, гуляют, смотрят телевизор в актовом зале. Трудятся только «красные», «актив», готовят пищу под присмотром вертухаев, убираются, ремонтируют, занимаются хозяйством. В своё удовольствие, назло «чёрным» и для потенциального «УДО». Так что от «тюрьмы» мой острог отличается только названием и статусом. А так – всё одно.

Я миновал КПП, где мне навстречу кинулся дежурный со своим пулемётно-бессмысленным: «Товарищ три майора! За время вашего отсутствия, моего присутствия противозаконных происшествий не случилось!». Я хлопнул ему по плечу, ласково уточнил:

- Вольно, вольно. Что там, сегодня, никаких внеплановых этапов не нарисовалось?
- Никак нет, товарищ полковник!
- Я к себе. Пришли чуть попозже расстрельную команду. Похоронная бригада готова?
- Так точно! Все уже собрались с утра. Ждут.
- Хорошо. Удачно отдежурить!
- Спасибо, Глеб Игоревич!

И я отправился по кишкам административных коридоров к себе, через широкую лестницу с балюстрадой, на второй этаж, в свой кабинет. К своему основательному, противотанковому креслу. Сейчас бы чаю, только секретаря нет по причине выходного. Но ничего, по пути зайду к медикам, там попью. К тому же Танька сегодня дежурит, надо с ней поговорить по душам. На завтра договориться встретиться.

Я погонял чай, сев в процедурном кабинете на стол и болтая ногой. На подоконнике приёмничек, настроенный на какую-то музыкальную радиостанцию, играл песню «Дискотеки Аварии» про ноги. Не про любовь, конечно, но близко, даже душевно. Здесь было уютно и не хотелось покидать «процедурку». К тому же Татьяна сегодня оказалась в добром настроении и улыбалась мне без повода. Наверное, знала уже, что сегодня мне предстоит неприятная процедура.

Мило поворковал с ней, без проблем договорившись увидеться с ней завтра. У меня дома. Благо, теперь я, наконец, живу один. Потом я, так как мои архаровцы, моя расстрельная команда, должны уже были подтянуться к моему кабинету в торце глухого длинного коридора второго этажа, отправился к ним навстречу. Мимо всяких бухгалтерий, канцелярий, отдела кадров и секретариата. Те, как я и предполагал, уже тёрлись у закрытой двери из прессованной бумаги, ловко покрашенной под дуб.

Моя команда – это три человека. Один постоянный и два пришлых, иногда сменяемых на новых.

Начальник медслужбы майор Серёга Манин. В данном случае он ещё исполняет роль начальника медицинской экспертизы, то есть того эскулапа, который качественно и профессионально может констатировать необратимый летальный исход. А то, мало ли, живого отдадим похоронной бригаде, а они его по недомыслию отпустят на все четыре стороны.

Здоровенная машина смерти с красной распаренной рожей и щетинистым жёстким бобриком на затылке, сходящим на нет ко лбу. Старше меня на несколько лет, вроде, ему уже сорок, хотя из-за румяного вида и габаритов возраст размывается, причём легко в обе стороны. Ему можно дать и тридцать и сорок пять, зависит от освещения и настроения. Он огромен ростом, выше меня почти на голову, и тяжёл. Не меньше центнера с гаком. Такой одним кулаком может приводить приговоры в исполнение. Накроет по «кумполу» как паровым молотом и всё, Митькой звали. Кстати, забавное совпадение! Мой клиент сегодня носит имя Дима.

Манин медик, хороший хирург, но не любит контингент, с которым вынужден работать. Поэтому у него в отделении всегда тихо. Кроме смертников, в отдельном блоке у нас сидят и простые заключённые. Так вот они стараются до последнего тянуть резину и не объявлять об этом, даже если они реально больны. Потому что слава о Мантике, как его легкомысленно-ласково называли за глаза коллеги, шла по всей колонии. И попадать в его медвежьи лапы никому из зеков в здравом уме не хотелось. Особенно, если они не страдали от недуга, а просто решили «закосить», отдохнуть в «больничке». Мантик и болезных мял, спринцевал и ректоскопировал нещадно, так, что они только ухали и гыкали под хруст собственных костей, а уж симулянтов просто на дух не переносил. Вычислять он их умел феноменально, и когда какой-нибудь залётный «косяк», пренебрегший предупреждением об опасности, попадал ему в руки, для майора Манина начиналась счастливая пора. После его терапии здоровый зек выползал с таким видом, будто только что сбежал из застенков НКВД, по пути разгрузив пару вагонов с кирпичами. И несколько кирпичей свалились на него неоднократно.

Поговаривали, что его тяга к наказанию не просто из чувства справедливости. Доктор Манин – скрытый садист. Не знаю, возможно. Чувство юмора у него своеобразное, но со мной он держится корректно и вежливо. Хотя, нет-нет, да проскакивают в его суждениях или бессознательных действиях тревожные нотки. Он уже несколько раз мне невзначай намекал о том, что, к сожалению, его не допускают до процедуры «исполнения». Уж он бы не колебался и не стеснялся. Вроде в шутку, а мурашки у меня по коже произвольно пробегали. Я видел его глаза в тот момент. И в них не искрились лучики смеха. Глаза его за стёклами модных очёчков в тонкой серебряной оправе оставались стеклянными и тусклыми, как у чучела крокодила.

Второй – прокурор по надзору. Он из смежного ведомства. Прокуратура по протоколу присылала своего представителя, чтобы он лично убеждался, что мы «исполняем» именно того, кого должны. То есть настоящего преступника. Они там думают, что мы спим и видим,

как бы с тем преступником договориться, чтобы он нам вместо себя подсуетил подставного, а нам от щедрот отсыпал миллионы, чтобы потом выйти тихо и без помпы на свободу с чистой совестью. Бред, конечно, но прецеденты возможны. Не в нашей богадельне, а вообще, в целом по нашей широкой родной стране.

Этот – старый знакомый, Костя Воробьёв. Стоит, светит синими погонами на таком же кителе. Целый советник юстиции, по-нашему – подполковник. Хороший малый, моложе нас, но правильный. Жизнерадостный, принципиальный и прямолинейный. Он искренне ненавидит всю ту человеческую накипь, с которой нам приходится иметь дело, и воспринимает каждую казнь, как акт наивысшей справедливости. Но, в отличие от сопяще-возбуждённого, покрывающегося капельками пота Мантика, смотрит на процесс холодно и отстранённо. Будто на стройке следит, как дизель-молот вгоняет в землю сваю. Его пару раз подменял какой-то блёклый худой тип с мокрым носом и оттопыренными ушами, но такие мероприятия Костя пропускает только по крайней необходимости. И в отличие от типа имеет всегда румяный вид и залихватские гусарские усы. Я думаю, он был бы не прочь сам привести приговор в исполнение, только в пику Мантику, он об этом даже не заикается. Никогда. Принципы!

Кстати, «исполнять», хотя бы раз в квартал, должен член комиссии и мой подстраховщик в этом деле, мой же зам по БОР. То бишь, по безопасности и охране. Только он как раз счастливо отказался от моего кресла в своё время как раз по этой причине. Он тоже не может убивать, потому, как больше смерти боится крови. Говорит, что сознание потеряет скорее, чем нажмёт на спуск, да ещё инфаркт схватит. Мы с ним беседовали после моего первого «исполнения» приватно в моём кабинете. Я сидел бледный на фоне кресла, как вампир на рассвете, а он слёзно умолял и плакался не заставляя его это делать. Просил ради всех святых, ради всех родственников и просто по-человечески душевно, извивался и терял лицо. Пожалел я его. Он, в общем-то, человек не плохой. Под меня не копает, козни не строит, наверх не «стучит». Или я пока об этом не знаю. Ладно, пусть живёт. Я его, конечно, правильно мотивировал, мол, дашь на дашь. Завербовал тонко и ненавязчиво. И он, прижимая руки к сердцу, обещал мне всесторонне способствовать и потворствовать. На том и договорились.

Третий наш неперменный спутник, это представитель нашего информационного центра, занимавшийся учётом. Вот уж кто менялся, как перчатки! Немногие выдерживали больше одного раза. Особенно молодые девушки. Их потом перестали вообще присылать. Да и парни тоже не отличались моральной устойчивостью.

Вот и на этот раз стенку подпирали моложавый лейтенант с горящим взглядом на чистом открытом лице. Он демонстрировал неподдельный интерес и почёсывался от нетерпения. Я смерил его скользким по диагонали, как по странице с текстом, взглядом, оценивая и щупая. Чего он такой довольный? Не в кино же с подружкой пришёл? Или ему то кино ещё интереснее? Опять грязные извращения вокруг, будто мне одного доктора мало! А, ладно, разберёмся!

Я поздоровался с каждым за руку и лейтенант представился:

– Алексей Зайцев!

– Панфилов, – кивнул я. – Да вы знаете. Идём, составим акт и к делу...

Я отпёр свой кабинет и все вошли, шумно двигая стулья, переговариваясь и вполголоса перешучиваясь. Все держались бодро, или просто бодрились. Нервное напряжение, как первая робкая струйка чернил в аквариуме, пролилась в атмосфере кабинета и стала медленно расплываться, пока бледнея, но уже чувствовалось, что скоро она наберёт силу и тогда тьма накроет всех и вся.

Рутинная, отработанная процедура – заполнить подготовленные бланки. Три экземпляра. Потому что Мантику эта филькина грамота до лампочки. Он просто поставит свою подпись после «исполнения», в той графе, которая касается его экспертного заключения. Как и мы в своих, соответственно. А пока мне надо заполнить реквизиты на моего пациента.

Итак, Кожухов Дмитрий Валентинович, родился двадцать девятого августа восемьдесят второго года, бла-бла-бла, в какой-то Пырловке соседней области, так! Обвиняется по статьям сто второй, пункты: «г», «е», «з»; сто семнадцатой. По совокупности и тяжести преступления вынесен приговор: смертная казнь. В ответ на прошение о помиловании, поданное им тогда-то, так, вот, ответ: «Приговор привести в исполнение!». Дальше просто. Я расставил галочки в тех местах, где потом нужно было расписаться по факту, и поднял голову. Все смотрели на меня и молча ждали. Как стая матёрых плотоядных дрессированных хищников. У лейтенанта и Мантика чуть слюни уже не текли.

Предвкушение, такое сладкое, что сосёт под ложечкой и оно само гораздо более приятно возбуждает, чем сам короткий акт казни. Конечно, они ж зрители экзотического шоу! А я на арене цирка.

Мелькнул в памяти и унёсся образ старого облезлого льва, устало, не мигая вперившегося в меня взглядом с хромированной тумбы, обитой зелёным протёртым плюшем. Не спит, старуха совесть, порхает где-то в застенках подсознания невесомым нетопырьком. погоди, твоё время ещё не пришло...

Пора!

Я встал, все тоже подскочили, принялись задвигать стулья обратно, под мой командирский стол, торцом стоящий к другому, за которым располагалось чёрное бронекресло. А я скинул курточку и напялил полевой камуфляжный китель с тусклыми полковничьими звёздами. И кепку надел. Отправил толчком прокурору папку с личным делом и файл с листочками акта. Потом прошёл к сейфу, звеня, вставил ключ, с хрустом повернул и с сарайным скрипом отворил закрома и хранилище. Там в углу тулилась початая бутылка коньяка, стопкой лежали текущие интересные мне личные дела осуждённых, а в отдельном «бардачке» дремал серебристый пистолет системы Нагана. И коробка патронов к нему.

Я вытащил пистолет, привычным уже движением откинул в бок дверцу, запиравшую каморы барабана, принялся не спеша снаряжать. Все терпеливо ждали, не решаясь нарушить традиционное священнодействие, осквернив его неуместным словом. Зарядил все семь гнёзд. Мало ли, вдруг отстреливаться будет? Не зря инструкции кровью писали.

Зековской.

Справившись, лихо, по-ковбойски крутанул револьвер на пальце. Хорошую машинку придумали бельгийцы, братья Эмиль и Леон Наганы! Отсутствует предохранитель, отличная кучность, патроны калибра семь-шестьдесят два. Как у «АК-47». Мне достался уже наш, патентный, Тульского завода, сорок пятого года. Раритет! Даже где-то антиквариат.

– Игоревич, – панибратски, поскольку считал себя старше, профессиональней и вообще автоматически приписанным к друзьям, обратился Мантик, – ты ему уже указ объявлял?

Это он про Кожухова, что томится сейчас в ожидании своей участи, плавая в тумане страха и неизвестности.

– Нет. Будем делать, как положено. Строго по правилам.

Манин сыто хихикнул, расценивая это, как один из вариантов развлечения. По инструкции положено было объявлять решение совета непосредственно перед «исполнением». Но я иногда манкировал и шельмовал при общем равнодушии и взглядах подчинённых сквозь пальцы на мои невинные шалости.

Мало ли, запарился начальник, замотался, даты перепутал. «Косяк» небольшой, чтобы с ним сразу бежать к высшему руководству. Нет, галочки, конечно, кто-то себе в блокнотик ставил, плюсики копил, только это пока не тянуло на полноценный компромат, так что пылились они пока в кармашках недругов, ожидая удобного случая, чтобы отправиться в Отдел Собственной Безопасности, нашу «полицию в полиции». Но и моя внутренняя контрразведка не дремала. У меня тоже досье на каждого неблагонадёжного в сейфе отдыхали. И пополнялись иногда. Ха-ха! Мне-то, как начальнику, сверху-то виднее! Пока я на балконе, а крепостные

под балконом, мои плевки тяжелы и смачны, а их – только себя слюнями и забрызгать. Ещё покувыркаемся!

Поэтому я особо оголтелым смертникам объявлял их приговор не сразу перед процедурой, а за некоторое время. За день или три. А то и за неделю. Чтобы они прочувствовали весь цимес, подумали обо всём, о чём не успели или не предполагали. Чтобы переосмыслили и сделали выводы. И чтобы не спали. Слушали каждый шорох, каждый шаг в коридоре, покрываясь липким потом и мурашками, когда звенели ключами и громко переговаривались конвоиры снаружи.

Смерть для них теперь становилась не аморфным понятием. Она приобретала вполне осязаемые черты. Её шагами гулко топали охранники, звон «секреток» превращался в пение косы, а голоса их эхом перекатывались по открывшимся коридорам в Ад. Пытка ожиданием. Она, в пику сладкому ожиданию счастья, не приносит удовольствия, а выжигает душу и личность дотла. И от человека, давшего самую маленькую слабину в противостоянии со страхом ожидания смерти, остаётся только немо ревушая от ужаса телесная оболочка. И в пустой черепушке стучат пинг-понговыми шариками только две взаимоисключающие мысли: «Скорей бы всё кончилось!» и «Я очень хочу жить!».

Запирая кабинет обратно, я заметил, как Манин прихватил с подоконника свой медицинский чемоданчик с аптечкой первой помощи. При старом начальнике он пренебрегал этим аксессуаром, потому что тот всё делал чётко и чисто. А я в первый же раз такого натворил, что после этого Серёга стал вновь его таскать. Чтобы быть ко всему готовым. Кажется – глупость брать с собой аптечку. Чем можно помочь тому, кто сейчас умрёт? Но может случиться всякое. Например, бывает, нужен нашатырный спирт. И не только приговорённому. Или выходит эксцесс с попыткой сопротивления, и тогда Манин бинтует порезы и мажет их йодом. Да и стетоскоп свой он стал класть в чемодан для удобства.

Плотной собранной и сыгранной группой мы прошли лабиринтом коридоров из административного в тюремный корпус, минуя тамбуры и решетчатые перегородки с постами и рамками детекторов. Часовые щёлкали в своих «стаканах» и «скворечниках» кнопками, и двери с лязгом отпирались. Шедший последним лейтенант аккуратно захлопывал их за собой. Вот и коридор, где протянулись ряды массивных решетчатых дверей, за которыми множатся новые, уже глухие, с «волчками» и «кормушками». Там, за ними уже настоящие сидельцы, рассортированные по разным блокам. В первых двух – рецидивисты, в остальных – «первоходы». И крайний – смертники. Этот примыкает к лестнице, идущей в подвал. Там путь вновь разбегается на хозяйственные помещения, кухню, душевую, склад.

Сегодня нас интересует душевая, как конечная точка маршрута. В глухом торце есть крайняя кабина, которая всегда почему-то закрыта. Неприметная такая дверь, ничем не отличимая от остальных, только вот незадача, всё время заперта. Висит на гвозде, пробившем жёсть облицовки грязная табличка «Ремонт». И никто из зеков никогда не заглядывал внутрь. А если бы и заглянул, то удивился необычной отделке. Кабинка, в отличие от остальных, маленькая, на одного человека. Торчит из противоположной входу стены обшарпанный «гусак» душа с щербатой лейкой. В полу дырявый круглый нечистый слив. А стены обиты плотной чёрной резиной. В резине можно заметить рваные полосы, неопрятные дыры, будто кто-то гвоздём ковырял. Или ногтями скрёб. Но резина толстая, тот, кто это делал, до внутренней стены не добрался. Да и кому вообще могло такое желание в голову прийти? Следы эти – не человеческие. Их пули оставляют. Когда не застревают в головах казнимых. Только ни один зек этого не видел и не мог об этом раздумывать на досуге. А те, кто всё же видел, теперь уже ни о чём таком не думают. Им нечем. «Думалку» пульей в кашу размозжило. Как сегодня случится с Димариком Кожуховым, бесшабашным парнем, любившим выпить и потрахаться, если такой редкий шанс ему выпадал. Только сначала надо его сюда доставить.

Поэтому мы не стали спускаться в подвал, а свернули в коридор, где томились приговорённые к смертной казни. Этот блок насчитывал десять стандартных камер, на шесть человек каждая, и пять маленьких «одиночек». Сейчас в больших устроили вещевой склад заключённых, ибо барахла им теперь разрешено с собой тащить столько, сколько заблагорассудится. Всё, вплоть до телевизоров и мебели. И некоторые так и находятся. Сам видел, как одного хозяйственного «положенца» обслуживали «шестёрки», грузившие его немалый багаж из прибывшего конвойного «автозака». Чего там только не было! Как в стишке: картины, корзины, картонки, и старый пыльный ламповый телевизор «Рекорд 714». Очуметь!

А в малых сидели смертники. Сейчас две из пяти пустовали. Но это ненадолго. Скоро обещали подвезти ещё несколько граждан, которым ничего в будущем не светит из-за острого конфликта личных интересов и общего для всех сурового закона. Димарик сидел в первой, ближней к нам. Его не пересаживали, оно так само собой случайно получилось. Контролёр из неопременного пропускного пульта с кучей мониторов видеослежения, один из бодрствующей смены, прошёл с нами, играя в руке ключом. Буднично заглянув в глазок, он сунул неподатливый штырь «секретки» в скважину и с хрустом принялся отпирать замок. В остальных камерах стояла мёртвая тишина. От такого сравнения у меня пробежали маленькой стайкой мурашки от крестца до лопаток.

Распахнулся кривой толстый ломоть дерева, обитого металлом, открывая вид внутрь. Приговорённый не спал. Он сидел на откидных нарах, на застеленном одеялом матрасе. На столе перед ним стояла пустая грязная плошка из нержавейки, из неё торчала алюминиевая ложка. Похоже, мы задержались и их успели покормить завтраком, а вот забрать посуду – нет. Маленькая деталь, но неприятно. А как если он схватит ту ложку и ткнёт ей Мантика в глазик после наших свежих новостей? Непорядок.

Одетый в стандартную чёрную пару – пиджак и брюки, кепка валяется на подушке, свою гражданскую одежду ему пришлось выбросить из-за вшей, Кожухов повернул к нам своё недовольное кислое лицо с глазами-щёлками. Короткий ёжик жёстких волос, с неровными проплешинами от старых шрамов. Узкий лобик и выступающие валами надбровные дуги. Я такие только у обезьян видел. Лицо треугольное, узкое, покрытое какими-то остатками коросты. Манин его, что ли полечить успел? А что? Он уже три месяца сидит. Прибыл-то он, как сейчас помню, в немного помятом состоянии. Оперативники его лихо отделали напоследок. Да и конвой не стеснялся. У Кожухова было такое лицо, которое само просило, чтобы ему въехали. Просто для профилактики. И поэтому оба его глаза надулись зелёно-синими сливами, превратившись в щёлки. Нос, тонкий, с вывернутыми ноздрями, немного свернуло на бок, а тонкие кривые губы раздуло, как от пчелиных укусов и украсило заживающими кровавыми лопинами. А когда он открыл рот, кривая и заикаясь, я увидел, что и вместо зубов у него в основном гнилые пеньки. Но это ему ещё раньше коллеги по цеху, такие же биндюжники, выбили во время застольных бесед и возлияний. Синяки и ссадины бурели и на скулах, и на подбородке. Прямо крошка енот, человек-стрекоза! Потом, конечно, всё это зажило, но коричневые полосы остались под глазками. И теперь эти тёмно-карие глазки, в которых почти нельзя было различить зрачков, бежали испуганно, озирая нас.

Я немо стоял впереди всех, а остальные тоже молча глазели в ответ.

Пора.

– Заключённый, на выход с вещами! – хрипло разлепил я губы и прокашлялся.

– З-зачем? – привычно заикаясь, уточнил опешивший Димарик, как его принялись называть все, кто с ним перекрикивался из-за соседних дверей и перестукивался в стенки, а потом и суровые немногословные контролёры.

– Сюда подойди, – туманно объяснил Манин.

Димарик неуклюже выпрямил своё длинное худое суставчато-мослатое тело, тряхнул лопушками оттопыренных ушей, оглядывая камеру, словно очнулся в ней только что впервые.

Но вещей у такого босняка не имелось, поэтому он бодро нацепил чёрную кепку и просеменил к нам. Встав в проходе, он немного помялся, ожидая развития диалога.

– Проверь, – кивнул я прокурору и нахмурил брови на Кожухова: – Имя, фамилия, отчество, год рождения, срок, статья, режим?

Тот забубнил, сбиваясь, растягивая гласные в оборотах, когда его заикание включалось, и он забывал знакомые буквы, подвывая иногда в самых тяжёлых случаях от бессилия перебороть досадный дефект, привычно сорвал кепку, начав бессознательно мять её в руках. При этом он с недоумением и подозрением вертел корявой круглой «макитрой», будто мухами засиженной, пытаясь разглядеть в наших стальных невыразительных глазах тайный смысл такого интереса к его невзрачной персоне. Ещё бы, такие звёзды в таком количестве и все к нему на огонёк!

Но я, мужественно дождавшись окончания его представления, хоть это и было мучительно слушать, тем же формальным тоном сообщил, чтобы не томить бедолагу:

– Гражданин Кожухов, пришёл ответ на ваше прошение о помиловании. В помиловании отказано. Приговор привести в исполнение. Дать ознакомиться?

Костя ловко выдернул нужную бумажку из папки и протянул мне.

– Не-е, – тряхнул ушами Димарик. – Не-е. Сейчас?

– Сейчас, – веско сказал я, – вам необходимо пройти дополнительное обязательное медицинское освидетельствование. Для этого с нами майор Манин. А потом вас переведут в новую камеру. Для тех, кому в помиловании официально отказано. Пройдёте с нами.

– А! Ы-ы, м-м-м... – не нашёлся, что ещё спросить ошарашенный такой новостью Кожухов, но Мантик ухватил его легонько, но настойчиво за хлипкое плечико и дёрнул наружу:

– Толай, давай, потом все вопросы!

Лёгкий Димарик, как тряпчатая марионетка вылетел из дверного проёма и ловко оказался между нами и контролёром сопровождения. Тот привычно рывкнул:

– Прямо! Руки за спину!!

И мы тронулись расширенным составом в подвал к заветной душевой.

– А по-о-звонить можно? – скороговоркой в конце предложения бормотнул Кожухов не оглядываясь, когда его немного отпустил ступор на середине пути.

– Телефон уже греется, – ехидно вякнул из-за моей спины Мантик.

– Потом, Дмитрий Валентинович, потом, – многообещающе, добрым и усталым тоном сказал я. – Поможет, доктор вас осмотрит, составит акт и я дам вам позвонить. Кому звонить-то будешь?

– Ма-а-ме...

– Понятно, – выдохнул я и прикрыл глаза на ходу.

Теперь, когда это несуразное животное, само того не ожидая, шло к последней черте, во мне проснулась к нему жалость. Маме он звонить собрался! Вспомнил, мать её! Не раскидаться! Не давать себе думать и представлять! Отключить фантазию!! Долбаное воображение! Нет у него мамы, и не было никогда. Он, как опарыш, из говна вылез, сам собой зародился от грязи, безысходности и невыносимой отвратительности бытия. Гомункул. Суррогат человека. Тварь.

Но в ушах, назло всем установкам и самовнушению, протяжно и дребезжа, прозвучало откуда-то из темноты: «Ма-а-ме». Как котёнок мяукнул. Но это не котёнок. Это лев, который только маскируется, обманывает. Плешивый поеденный молью лев. Обманчиво старый, прикинувшийся полудохлым, но внутри у него сжатая взведённая пружина. Она ждёт момента. Она предвкушает. Она тянет предстоящее удовольствие. Как возвратная пружина под затворной рамой у взведённого пистолета.

Контролёр вновь гаркнул в конце тёмного коридора, освещённого тусклой лампой в решётке, украшенной сталактитами ржавчины, паутины и прочей подвальной дряни:

– Стоять! Лицом к стене!!

И эхо его зычного гласа, похожего на архангельский в этом адском месте, раскатилось и смешалось с журчанием воды в трубах и под ними, где в сливных каналах бежал конденсат и протечка. Тут было сыро, темно, грязно и прохладно. Стены из камня обмазаны цементом, создавая дикий барельеф, об который можно содрать тело в кровь и мясо, если оступиться. Капает где-то гулкая водичка из осклизлого вентиля. В углу вьётся очумевший слепой комар, будто из другой реальности сюда случайно провалился и тщетно ищет выход, немо крича: «Где я?».

А мух нет. Это странно. Летом, наверное, вновь появятся, но я считаю, что это упущение Вельзевула. В таких местах, как это, мухи уместны, как неперенный атрибут. Здесь не пахнет серой, но атмосфера плотная и безысходная. Отчаянием пропитан воздух, горькой, незримой полынью, которую чувствуешь не языком, а мозжечком. Она поселяется внутри головы, как только сходишь с последней ступеньки. А надежда остаётся наверху. Её придётся оставить.

Навсегда.

Димарик тупо смотрел на качающуюся табличку о ремонте, пока контролёр отпирал душевую. Потом робко шагнул, запнулся и принялся осматривать внутренности своего эшафота. Я расстегнул кобуру и крепко ухватил деревянную рукоять «Нагана». Дело шло к кульминации и развязке, но Мантик немного испортил «торжественность момента». Что-то он стал расслабляться и много себе позволять. Надо ему внушение сделать после «исполнения». Он вполголоса буркнул мне в ухо, но так, чтобы слышали прокурор и лейтенант из пресс-центра, видимо, желая разрядить обстановку:

– Может ему лоб зелёной помазать? У меня есть!

Я коротко и легко толкнул его локтём в брюхо, следя за взглядом Димарика. Тот разглядывал чёрные резиновые стены, неровно подогнанные и прихваченные гвоздями, чьи ржавые шляпки заглубляли обивку, заставляя её неоправданно топорщиться. Он смотрел на душ, сухой и мёртвый, на углы, потом прошёлся по полу и я увидел, что после прошлого раза кто-то из дежурной смены плохо промыл слив. На металле бурело кровавое засохшее пятно. И я понял, что Димарик уже всё понял. А он вдруг повернулся резво и спросил с видом самой невинности:

– А мыло где?

И не заикнулся ни разу.

– Давай, мойся, – попытался вновь набрать очки Манин. – Сейчас из соседнего принесу.

– Нет.

Я смотрел Кожухову в глаза и отчётливо видел, как его воля отчаянно борется с осознанием неминуемой неотвратимой насильной кончины. Какие скрытые резервы у него там включились, откуда они вообще взялись, непонятно. Раньше я такого за ним не отмечал и не предполагал, что это в нём есть. Однако с человеком на краю жизни могут случиться разные удивительные вещи. И от этого мне стало совсем плохо. Вновь я увидел перед собой не тварь, а некое проявление внутреннего стержня, называемого волей. Это мешало, это путало настрой, сбивало и дезорганизовывало. Пора кончать. Но сразу не вышло.

– А дайте закурить, – попросил Кожухов, опередив все мои мысли и действия.

Я вытащил пачку, выбил сигарету, чиркнул колёсиком по кремню. Димарик затянулся так, что его тонкие дряблые щёчки ввалились совсем, делая его лицо очень похожим на обглоданный череп. Курил он жадно, сильно затягиваясь и торопясь, будто опасался, что ему не дадут докурить до конца. Дым поплыл над головами сизым рваным одеялом. И после очередной затяжки он закашлялся. Попытался вновь втянуть в лёгкие дым, но засуетился, кашель усилился, будто плотину прорвало. Он стремительно переходил в приступ. Димарик оттопырил руку с тлеющей впустую сигаретой, согнулся и теперь почти ревел, часто лая, начиная терять слюну. Потом и вовсе уронил сигарету и ухватился ладонью за резину, шагнул в душе-

вую. Его скручивали пароксизмы, он, то почти визжал, то басовито ухал. А потом выгнулся дугой и его стошнило.

На завтрак им давали рисовую кашу на молоке, хлеб и чай. Вся эта мерзкая масса шваркнула в пол с хлестким сочным фонтанным плеском. Позади коротко и грязно выругался Серёга. Ему не нравились эти метаморфозы. Он сюда пришёл не оказывать помощь, а лишь фиксировать её полную ненадобность по причине скоропостижной кончины.

А Димарика уже крутило серьёзно. Остатки мужества совсем покинули его, когда он поскользнулся на собственной блевотине и неловко сложился на пол. Вскикая, он заметил пистолет, который я не успел спрятать за спину и этот вид маленькой смертельной машинки выбил его из колеи окончательно. Он перестал пытаться встать, сползая по стенке, и завыл, а из глазок его потекли обильные после рвоты жиденькие слёзы. Из рта потянулись тонкими извивающимися нитями слюни, а из носа потекло прозрачной гадостью.

Сквозь его истерику, рыдания и плач стали прорываться отдельные невнятные слова.

– Г-гражданин нача-а-альник! У-а-а! Не у-у-убивайте-е-е!! Ы-ы-ы-ы!!! Простите-е-е!! Не-е-е... Пощадите-е-е! Пожалуйста!

И истекало из него вместе с остатками воли, самоуважения и контроля его человеческое обличье. Становился похож он на какое-то невиданное животное, страшное и ненормальное. На какую-то мерзость, охваченную безумием, заполненную страхом, как воздушный шар водой. Тело его зримо содрогнулось, и конвульсии не давали ему осознанно двигаться. Он свалился на четвереньки, по-собачьи пополз на выход, уткнулся в мои ботинки и неожиданно ухватил меня за икры. Воя и стоная, поднял перекошенное лицо с ощеренной щербатой пастью и вновь стал умолять.

А я от неожиданности и омерзения застыл, как соляной столп. Пистолет тяжело оттягивал кисть в опущенной плетью руке. Остальные тоже замерли, все, превратившись в слух и зрение. Такой вот спектакль одного актёра. И никто не скажет: «Не верю!» в сомнении искренности играющего роль.

А Димарик совсем обезумел и принялся тыкаться губами мне в ботинки, пытаясь показать полную покорность и горячее желание жить, во что бы то ни стало. Последние человеческие чёрточки покинули эту мясную оболочку, набитую вонючими кишками, скрипяще-твёрдыми прокуреными лёгкими, жёлтыми угловатыми костями и дряблым пахучим мясом.

Я с удивлением ощущал в себе странное новое чувство. Моя совесть, скривив гримасу отвращения, отвернулась и удалилась во тьму безразличия. В таком виде мне не было его ни капли не жалко. И где-то на дне сонма эмоций крутился червячком маленький эмбрион наслаждения. Мне приятно было смотреть на эти извивы и дрожь. Отвратительная картина распада человека. Отвратительное, но сладенькое чувство извращённого превосходства. Это до добра не доведёт. Я точно стану конченным циничным монстром, если и дальше позволю себе получать от этого хоть грамм удовольствия. Пора «исполнять».

А в этой сутолоке под шумок он напрудил в штаны. Я заметил, как нечто, что я сначала принял за воду, натекает прямо из-под Димарика, приближаясь к моим ботинкам. А потом он громко пустил ветры, окончательно потеряв контроль над всеми своими многочисленными клапанами и сфинктерами, и все мы, тут присутствующие услышали чавкающие звуки, словно фарш повалил из мясорубки. А спустя секунду, в нос ударил запах свежего дерьма.

А я вспомнил против воли своё самое первое «исполнение». Тогда я обгадился не хуже Димарика. Не в прямом смысле, конечно, но рвало меня немного погода также натурально. Мой первый исполняемый в самый ответственный момент, когда я уже совсем было решился выжать крючок, выбрав мёртвый ход, нежданно негаданно повернулся ко мне лицом. И эти глаза напротив чётко впечатались мне в память. В них горела чистым спиртом чистая ненависть, настоящая на чистом ужасе. Тот казнимый был крепче духом и в последний момент

собрал волю в кулак. Кураж его одолел или от страха помутился, но он решил взглянуть в лицо своему палачу. Он не знал, что у меня это впервые. Да и терять ему было уже нечего.

А я сам почти обоссался, я тогда о мочевом пузыре меньше всего думал, и от такого накатившего на меня, как эпидемия, ужаса рефлекторно дождал спусковой крючок. Я даже не осознавал, куда целился в тот момент. Первый раз всё случилось спонтанно, в полной неразберихе и панике у меня в голове.

Вышло эффектно. Пуля вошла в правый глаз и не потеряв инерции, со щелчком вынесла ему полчерепа со стороны затылка. Вместе с большей частью мозгов. Такой вот салют-фейерверк в багровых тонах. Плеснуло на противоположную стену знатно. Кровь и мозговой холодец, розово-серый, в прожилках капилляров. А труп куклой-марионеткой с подрезанными нитками сложился вниз кучей плоти и тряпья. А я вылупил глаза, замерев и оглохнув от выстрела. А потом, заметив, как по стене стекает кровь и маленькие кусочки катятся, прилипая, икнул и выпростал наружу свой желудок. Теперь не ем перед казнью. И это правильно, потому что может случиться и такое.

– Твою мать!! – воскликнул в досаде Мантик и отступил назад, зажав нос.

– Игоревич, заканчивай, – тихо шепнул Костик.

– Боже мой! – вырвалось у Зайцева.

– Встать!!! – рявкнул я.

После всего этого фееричного карнавала я, наконец, обрёл себя и собрался. Теперь всё встало на свои места. Всё казалось простым и понятным. Надо произвести только несколько простых действий. И осечки быть не может. Ведь это так просто, застрелить бешеное ничтожество, окончательно ставшее мерзостью. Даже не животным, ещё ниже. Насекомым. А их убивать легко.

От моего крика Димарик конвульсивно вздрогнул. Отпустил мои ноги и подскочил. Из его штанин вывалился с тихим чмоком и плеском влажно-мягкий податливый «земляной элементаль». По-простому – навоз, а по-умному – фекалии. В сочетании с острым запахом аммиака и мочевины это дало оглушительный эффект по ноздрям и где-то даже по глазам. Без понуканий он развернулся ко мне спиной и теперь стоял, трясясь и вздрагивая, как огромная гусеница. Я таких видел по каналу про природу. Она так же сокращалась, когда её оседлала осанаяездник. И эта его непохожесть на мир теплокровных очень помогла. Я будто должен какую-то инопланетную тварь убить. Вот так, Димарик, прибыл ты к нам стрекозой, а уходишь гусеницей. Обратная эволюция. А может, у этих ублюдков так принято? Нормальный естественный процесс деградации? Они рождаются с дефектом, который крепнет и растёт, как опухоль, превращая их в неопределяемого возраста нетопырей, бесполезных для общества, и таких же для него опасных. Никогда не делавших ничего путного и полезного, зато всегда готовых нагадить и обгадиться. А ещё насиловать и убивать. А, тлен всё! Тщета...

Занавес!

Я поднял пистолет и направил дуло в левую сторону затылка, под ухо, как Дубровский медведю, с наклоном чуть вверх. Дрогнув в последний раз Димарик худыми мослатыми плечами, булькнул носом, выдавив зелёные пузыри, а потом «Наган» неожиданно грохнул. Вонь дерьма и ссанины на миг перебило кислым тревожным запахом сгоревшего пороха. Гнилой черепок исполняемого, и так потрескавшийся от груды разбитых о него бутылок, не выдержал, чего я никак не ожидал, и его лоб оторвало от головы. В стену, в «гусак», на лейку полетело содержимым, а тело уже мёртвого гражданина Кожухова дёрнулось вперёд, будто он в самый крайний момент бежать собрался. Увидел на сгибе бытия, на дороге к бездне тонкую ложную тропку к спасению. Только поздно. Мозги-то по стене. Управлять этим ливером некому. И рухнуло его туловище плашмя в полный рост вперёд, глухо шваркнувшись о резину поперёк рыготины и мочи.

Приговор приведён в исполнение.

– Пульс щупать будешь? – повернулся я к Мантику.

– Я тебе, как врач говорю, – стукнул себя кулаком в область сердца Сергей, – после такого не живут. Там же весь мозг на стенке!

– Согласны? – взглянул я на Лёху и Костика.

Те энергично замахали гривами, соглашаясь с доктором на сто процентов. А у самих глаза по полтиннику. Особенно у лейтенанта. Ну и хорошо. Дело сделано.

Теперь забота похоронной бригады, назначаемой на месяц одним из караулов и сменяемой в плановом порядке, запаковать труп в пластиковый мешок на молнии, загрузить его в «УАЗик-таблетку», серый и неприметный, с красной полосой и надписью «спецперевозка». Дежурный из смены помоев тут всё из того самого душа, который не для мытья живых людей тут торчит. А когда они отдраят эшафот, причём, не так халатно, как прошлые негодяи, вся эта тёплая компания погрузится туда же и во главе с виновником торжества укатит на окраину города, на одно из кладбищ, где есть подведомственные нам участки. Могилы уже давно вырыты впрок нанятым колонией по безналу экскаватором похоронной конторы и ждут своих постоянных жильцов. А вместо креста и памятника воткнут они напоследок жестяную табличку с номером. Вот и вся процедура. Ни оркестра, ни цветов, ни венков, ни рыдающих безутешных родственников. В процессе закапывания хитрые и беспринципные сотрудники УИС обязательно выжрут бутылочку водки. Это и будут поминки. А так как о покойнике или хорошо, или ничего, то никто из них ни слова не скажет о нём, чтобы не тревожить его воспаривший в небеса дух.

Или он прямиком в Ад рухнул?

Тоже, вопрос. Убиенных щадят, отпевают и балуют Раем, так, кажется в песне поётся? Или ему там по совокупности грехов с зачетом убийства посчитают? Взвесят, умножат, подытожат и примут решение. Там у них, наверное, как в метро, два эскалатора перед судилищем. И на какой теперь ступит дух гражданина Кожухова – Бог весть!

А ещё я слышал, что все грехи убитого идут в зачёт убийце. Надо с отцом Сергием на эту тему поговорить. Уточнить и всё для себя понять. Неуютно мне с такой мыслью жить. Да и почему это мне – все грехи этого насекомого? За что? Ведь я не человека убил! Тварь с хелицерами, брюшком и панцирем. Червя-опарыша. А мне его грехи! Не верю! Господи, чудны пути твои и неисповедимы! Где ответ мне искать? Кто расскажет?

Может лев мой? Исчез он. Уполз в закоулки подсознания и затих там. Спрятался. Вечер – его время. Да и что он мне расскажет? Он не говорит. Он молча, не мигая, смотрит мне в глаза. А я – ему. И оба ждём, кто первый моргнёт. Облезлый лев, когда ж ты сдохнешь? Или маразм тебя разобьёт. Я буду ждать. Это я умею.

А пока я так думал, шагая, как в тумане, мы вновь оказались у моего кабинета. Вошли, расселись по местам, пошуршали бумагой, поскрипели перьями, ставя многочисленные росписи в волокитной заплечной бухгалтерии. Потом я вытащил из сейфа початый коньяк, показал остальным. Те, не говоря ни слова, согласно покивали. Разлил на палец по стаканам для воды, отодвинув в сторону графин, и мы, не чокаясь, влили в себя виноградный спиртовой нектар.

– Как тебе? – выдохнув душистое послевкусие, спросил я у Лёхи.

– Хороший, – причмокнув, сказал он.

– Да не коньяк! Чудило! Как тебе «исполнение»?

– М-м-м, – он задумался. – Как-то так я себе это и представлял. Только без физиологических излишеств.

– Ну и прекрасно. Других твоих коллег тут просто выворачивало наизнанку. Они бежали из подвала, как чёрт от ладана и зарекались сюда возвращаться. А ты – молодец. Стойко переносишь. Вернёшься?

– Почему нет? У вас же не всегда они тут блюют и срутся?

– Да нет! – заржал Мантик. – Через раз!

– Товарищ майор! – прервал я его неуместное веселье. – Вы бы попридержали язык в следующий раз! Я имею в виду речи про зелёнку!

– Виноват! – зажевал и проглотил улыбку доктор. – Больше не повторится. А вы, товарищ полковник, зря там время тянули. Курить ему давали. С того всё и пошло. У нас и так тут разговоры ходят, что начальник, вместо того, чтобы казнить, приговорённых до сердечного приступа доводит, чтобы самому не казнить...

– Кто говорит? – делано нахмурил я брови.

Мантик смешался, зыркнул на лейтенанта и прокурора. Те сидели с каменными лицами, всем видом красноречиво сигналили о том, что их наши внутренние разборки не касаются. В Костике я уверен. Этот не будет подло болтать за спиной. Да и Лёша из прессы на вид парень правильный. А вот свои подкачали. Совсем что ли этот боров нюх потерял?

– Да ходят такие разговоры...

– Кто конкретно? – пошёл я на принцип, мне его жалеть не хотелось ни разу.

– Товарищ полковник, – нашёл скользкую лазейку хитрый эскулап, – я уточню, потом вам сообщу. Факты, доказательства, всё чин по чину.

– Смотри! – ткнул я в него пальчиком. – Ответишь за базар!

И он освобождённо и преувеличенно радостно заржал, внутренне выдохнув от того, что его мудрый начальник не стал давить его при посторонних, а всё остроумно свёл в шутку. Только я пошутил, чтоб лицо ему сохранить и врага не нажить открытого. Так он пока дремлет, а хуже будет, если открытая конфронтация пойдёт. Он мне таким нужен. Послушным и доверяющим. Пусть панибратствует, осадить его всегда не поздно. Но про разговоры я ему как-нибудь при случае напому. В неформальной беседе прижму его, чтоб рассказал, кто там такие интересные беседы за моей спиной ведёт. Информация всегда нужна. Она в наших играх главное оружие. Это с зеками можно «Наганом» обойтись, а со своими волками в овечьих шкурах только марлезонский балет и интриги мадридского двора.

Тоже мне, оборотни в майорских пагонах!

Я снял трубку внутреннего коммутатора и набрал номер комнаты отдыха, где должен был находиться дежурный наряд для особых поручений. Та самая похоронная бригада. Трубку сорвали после первого гудка и бодрый голос, нещадно искажённый электрическими помехами, преувеличено молодежато доложил:

– Комната отдыха личного состава, старший прапорщик Горковенко у аппарата!

– Полковник Панфилов. Ты старший на похороны?

– Так точно!

– Твои все с тобой?

– Да, товарищ полковник!

– Всё. Можете идти. Да, и помойте там всё хорошенько, а не как в прошлый раз! Кровищи на сливе оставили! Я проверю!

– Есть! Разрешите выполнять?

– Давай, Виталя, знаю я вас, оглоедов! Повнимательнее там...

Повесил чёрную эбонитовую трубку на никелированные рычажки. Тоже анахронизм старых времён. Любил прошлый палач и мой начальник такого рода антиквариат. Старый пистолет, старый телефон, старое кресло. Мне всё это тоже нравится. Веет от всего этого добротной выделкой, спокойной надёжностью, уверенностью и порядком, который никому не нарушить. Хозяева меняются, а вещи остаются. Переживают их, смотрят, как на батарейки, которые после использования можно заменить. А старые выкинуть. На пенсию или в дурдом. А то и...

Константин, Алексей и Сергей, моя расстрельная команда, откинувшись на спинках мягких стульев, смотрели кто куда.

Мантик тяжело сопел, покрасневшую рожу наморщил и пялился на свои скрещенные пальцы. Наверное, думал о том, как бы отвертеться от предстоящих неприятных разговоров на скользкие темы. Тоже мне, прямой и честный! Не хочет он никого «закладывать»! Да вы тут все одним миром мазаны. Вам только дай повод для сплетен, вы ж все косточки за глаза обсосёте до блеска. А потом их же в дерьмо и втопчете. С удовольствием. Так у вас это за низость не считается, даже, наоборот, за доблесть и лихость. Как извратились простые понятия!

Костя рассеянно листал странички уголовного дела казнённого Дмитрия Кожухова, внимательнее штудирова и осмысливая, каким-таким образом кривая его нелёгкой судьбы вывезла этого индивидуума к входу в душевую, обитую резиной. То ли ему адвокат попался нерадивый, то ли присяжные ретивые, то ли просто врождённое раздолбайство, помноженное на хроническое невезение. А скорее всего, это было единственным и естественным логичным завершением такой непростой истории его жизни.

Лёша, молодой лейтенант, с интересом оглядывал весь мой кабинет, методично и спокойно. Будто видеорепортаж для себя в голове записывал. Прошёлся по окнам, по стене с портретом президента. Президент смотрел на Лёшу, смущённо и мудро улыбаясь, будто знал про него такое, чего Лёша не только никому не рассказывал, а и сам имел о том лишь смутные подозрения. Но президенту виднее. Потом его взгляд скользнул по креслу и по мне, сидящему в нём. И я отметил, что глаза его ни на йоту не поменяли выражения и прошлись по мне, как по части интерьера. Как по мебели, вроде кресла или шкафа. Этот-то о чём себе думает? Загадочный тип. И казни не испугался. Похоже, ему понравилось. Эх, молодёжь! Грязный извращенец, как пишут в интернетах, правда, немного по другому поводу.

Ладно, пора на расход! Концерт окончен.

– Всем спасибо, – я принял от Кости личное дело, сунул его в недра стального несгораемого шкафа. – Никого более не задерживаю. О следующем мероприятии будете извещены в плановом порядке.

Они вскочили, стали по очереди жать мне руки, прощаясь. Последним побрёл к двери Манин с подсушенным горем лицом. Я подождал, пока его массивная туша войдёт в косяк и окликнул:

– Серёжа!

Он обернулся, глаза сверкнули бельмами белого слепого страха.

– Скоро буду смотреть, кому и как квартальные премии распределять. Ты там посмотри среди своих, кто отличился и всё такое. Ну, и о тебе, конечно тоже, подумаю. Зависит от результата. Ну, ты понял, какого.

– Спасибо! – его взгляд просветлел.

Теперь я ему сменил мотивацию с кнута на пряник. А работать за совесть, а не за страх всегда продуктивнее. Пусть повертит толстой жопой, пошевелит ушами. А то одни пакости на уме. Не дорос ты, Мантик, до высокого звания заплечных дел мастера. Останешься навеки в подмастерьях на побегушках, ключи подавать. Не светит тебе подержать в руке тяжёлый налитой силой былинный «Наган». Стой и смотри, как достойные люди кладут на алтарь правосудия свою чистую совесть, жертвуя ей во имя высшей справедливости. А лапками своими потными не лезь. Не по рылу каравай.

Доктор расправил плечи и вышел теперь уже бодрым шагом, сменив настроение, как выключателем щёлкнув. Как мало надо людям для счастья! Чем проще организм организован, тем легче проходят в нём мыслительные процессы. Быстрее меняется гамма чувств, не гложут их сомнения. А совесть давно спит, крепко запертая в прочной стальной клетке равнодушия и наплеватьства. Под замком неуважения, запертым на ключ чувства собственной важности. Такой лабиринт старому льву не преодолеть. Особенно, если голова всё время занята простыми, как шпалы, мыслями. Пожрать, поспать, потрахаться. Поглазеть, если самому не дают, на то, как убивают человека. Это не кино, это реальность. А такой адреналин больше нигде

не получишь. Чувствует себя не меньше, чем патрицием на больших играх при Нероне. Крови он жаждет! Доктор смерть...

Я посидел ещё немного, откинувшись на спинку своего бронекресла. Хорошо! Приятная облегающая мягкая и спокойная надёжность его будто заряжала меня. Батарейка я. Аккумулятор. Как в «Матрице». Только там это преподнесли буквально. Что ж, пока заряд копится, можно и впрыснуть целебного электролита.

Нехотя встав, я сделал шаг к сейфу, вновь извлёк бутылку коньяка. Осталось там как раз на пару порций. Посижу, поразмышляю в тишине и покое. Добью её и отправлюсь к себе в берлогу. Дальше существовать. Ждать завтрашнего дня. Завтра придёт Танюха, проведём приятно время. Теперь, чем мы реже с ней встречаемся, тем приятнее проведённое время. Старею, наверное. Она молодец, выручает меня, сглаживает моё оголтелое одиночество. И не такая, как стандартные «мотыги» из бухгалтерии или канцелярии. Спокойная, рассудительная. Говорит мало и по делу. Загадочная. Рыжая бестия. Ведьма. А я, выходит, чёрт на шабаше. Ладно, пусть так. А кем мне ещё быть по совокупности своих преступлений перед собственной совестью.

На «зоне» «чёрт» одна из низших каст. Видимо в градации совести такие как я проходят на этом уровне. А подняться тяжело. Тяжелее, чем «чёрту» в «зоне» стать вновь «законником». Надежда есть, осталось только найти тот лучик света в тёмном царстве. И я ищу. Не закликаюсь на простых шпалах, не ем, не сплю, не трахаюсь. Только по необходимости. Для поддержания функциональности брэнного тела. И удовольствия от того испытываю необходимый минимум. Кстати, чревоугодие и прелюбодеяние суть смертные грехи. А мне и убийства хватает. Или оно – не смертный грех?

Как всё запутано!

Попутно я выложил обратно пистолет. Чистить его не стал. Не так уж он и запачкался. Как-нибудь позже, в другой раз. Никогда не любил чистить оружие, считая это напрасной и глупой тратой времени. Скучным и тупым занятием. Вот мытьё посуды меня всегда успокаивало и гармонизировало. Здесь посуды нет, зато есть коньяк. Он тоже имеет похожие свойства. Сейчас ими воспользуюсь. Я плеснул в свой стакан и в кармане завибрировал мой сотовый телефон.

Звонил дон Петруччо, который сразу, не здороваясь, перешёл с места в карьер:

– Ты чо, Глеб, совсем охерел?!!

– А что?

– Ты зачем мне поставил такой будильник?! Я чуть не обоссался ночью!!!

Представив себе эту картину, я не выдержал и искренне громко расхохотался.

– Смешно ему, блин! Сплю и слышу, как кто-то воет. Не пойму, что за херня? А оно всё громче. Ей-богу, меня чуть дедушка Кондратий не обнял! Нельзя так издеваться над людьми!

– Эх ты, аника-воин! А ещё хотел людей «исполнять»? Какой ты на фиг танкист? Ладно, извини. Но согласишься, круто вышло?

– Иди ты...

– Как ремонт?

– Нормально.

– Твоя не вернулась?

– Нет. Она до завтрашнего вечера там сидеть будет. Сам как?

Я чуть запнулся. И, правда, как я сам себя сейчас чувствую? Обычно я всегда переживал такие моменты тяжело. В голове прокручивались сцены расстрела, все мельчайшие детали. Выстрел, кровь, слова перед казнью. Глаза того, кто сейчас умрёт, их выражение. Но теперь в этот текущий момент ничего такого не наблюдалось. И не потому что я тут заработался. Просто ещё свежо воспоминание об отвратительной гусенице в человеческий рост, икающей и вздрагивающей. Нет ассоциативного ряда, чтобы совести зацепиться и начать мотать из этого

насекомого шёлковую нитку страха и угрызений. Да ещё спиртное растормаживает и прогоняет хандру метлой немотивированной эйфории.

– Ты знаешь, как никогда хорошо!

– А что случилось?

– Да всё, как обычно. Я ж говорил, тут мне важен человеческий фактор. А человек попался – говно. Реально обгадился. Тут не до сантиментов. Чистая обыденность, рутина и механическое исполнение, так, чтобы просто быстрее всё кончить. Думать об этом буду потом...

– Меньше думай, мысли пачкают мозги, – посоветовал Петя. – Ладно, пока тогда, шутник хренов!

– Счастливо!

И я хлопбытнул стакан залпом. За здоровье Пети Исаева.

Потом посидел ещё в кресле покое и тишине. Допил коньяк, бутылку сунул в пластиковую урну. Покурил, стряхивая пепел в хрустальную массивную пепельницу. Поглазел в окно на редкие кучкующиеся у светофора автомобили. Пора было покидать мою богадельню. Похоронная бригада уже, наверное, опустила тело Димарика на пару метров в сырую землю и её же навалила сверху до холма. Теперь этого мёртвого червя станут есть другие, живые маленькие настоящие черви. Такой вот симбиоз червей в природе.

Интересно, что сказала бы мне его мама, если б услышала мои мысли? Наверное, как и любая мать, ничего приятного. А если б узнала, что это я его своими руками... То наверное и убила бы. Если б могла. Понять её можно. Даже у самых страшных тиранов и извергов были свои матери. И для них они не были тиранами и извергами. А были просто любимыми детьми.

Говорят, у даунов есть лишняя хромосома. Она блокирует ген немотивированной агрессии. Счастливые люди. Они живут в своём замкнутом на себя мире, где нет места плохим качествам, вроде ярости, злости, раздражения. Как бы протиснуться хоть на денёк в капсулу этого мирка и пожить в спокойствии и бескорыстной любви ко всему человечеству? Получается, что мы, нормальные, считающие даунов ущербными, на самом деле несчастны по сравнению с этими лучезарными людьми. Мы даже используем это название, как ругательное. А это потому, что в душе мы догадываемся, кому тут на самом деле повезло, а кто по жизни несчастен. Вот от злобы и ругаемся, лаем собаками, грызёмся шакалами, щеримся гиенами. Сплошной канал «Национальная География». Скрытый посыл нам, нормальным. Не про зверей он. Про нас. Только подан эзоповым методом. Кто в теме – догадается. Но лучше жить в неведении, спокойнее. Жаль, что те, кто один раз это понял, обратно в простой мир инстинктов и рефлексов вернуться не могут. Только через лоботомию.

Интересно, а доктор Манин умеет делать лоботомию?

Так я раздумывал о смысле бытия, всё чаще куря, пока кабинет не превратился в душегубку, а в лёгких запершило. Сплюнув горькую слюну в мусорную корзину, я проверил ещё раз все документы, запер сейф, открыл форточку. И вновь понял, что гнетущего чувства вины и страха нет. Это не столько обрадовало, сколько удивило.

Потом я свалил с колонии и доехал до дома на трамвае, благо линия была в двух шагах. Кольцо, где всегда есть свободные места у окошка. Я не люблю машины и никогда не хотел иметь свою. А в текущей ситуации с ценами, дорогами, ГИБДД, страховкой, топливом и запчастями – в особенности. Дешевле на такси. Или на трамвае.

А когда я захлопнул за собой входную дверь, то в тишине квартиры вдруг услышал, как скрипнула дверка старого рассохшегося шифоньера, открывшись сама собой. И у меня побежали по телу знакомые противные мурашки. Мне показалось, что за створкой я различил в тенистой глубине клочок оранжево-бурой гривы.

Сквозняк из открытого окна вновь качнул отворившуюся дверцу, и она протяжно и тонко закрипела:

– Ма-а-а-а-ме...

Глава третья. Секс, бесовщина и тет-а-тет

*Если гурия страстно целует в уста,
Если твой собеседник мудрее Христа,
Если лучие небесной Зухры музыкантша —
Всё не в радость, коль совесть твоя нечиста!*

Омар Хайям

Татьяна Юрьевна Щепкина, двадцати восьми лет от роду, была как всегда выше всяких похвал. Вот что-что, а любить меня она умела. Её голубые широкие глаза то томно закатывались, то распахивались с взмахом ресниц так, что я почти улавливал ветерок. Она сидела на мне верхом, как наездница, а я лежал, подмахивая бёдрами и ягодицами, руками водя ей по талии и грудям.

Мы занимались любовью у меня в квартире, на моей новой удобной двуспальной кровати. Купил я её недавно. Взял не в кредит, а за наличные, благо, пару лет назад нам кардинально подняли оклад денежного содержания. И я постепенно поменял почти всю мебель в квартире. Купил новый огромный плоский телевизор. Обновил компьютер и стол под него. Заменял все стулья. Полностью поменял кухонный гарнитур. Поставил свежую плиту и холодильник. Повесил в коридоре гардероб. Теперь, после того, как я рассчитался с кредитами за похороны, всё остальное – мебель и технику я старался брать только налом. В кредиты залазить не хотелось категорически. Поэтому я не копил, а тратил весь свой «кэш». Да и принимать Татьяну было приятней в новой обстановке, благо, теперь мои родители не путались под ногами.

Не то, чтобы я не любил их. Просто, пришло их время. Отец ушёл раньше, лет десять назад. Мне тогда ещё и тридцати не было, но они поздно меня родили. Он работал на заводе. Точил болты для оборонки. Простой был человек и весёлый. Любил крепко пошутить и крепко приложиться к бутылочке по субботам. Выпив, пускался в пространные разговоры по поводу, как всех осчастливить и всё поделить по-честному и справедливому. Хоть образования ему и не хватало, речи толкал он вдохновенно и убедительно. Так, что иногда я отмечал в них рациональное зерно, эдакую сермяжную правду человека от сохи. Наши люди мудры не учёной степенью, а стихийно, от природы и менталитета. А ещё он любил читать, много и разное, от чего его кругозор ширился неровными, но поразительными горизонтами.

Сдавать он начал неожиданно резко. За год изменился до крайности. Поседел волосом, посерел кожей. Щёки прочертили вглубь морщины, кривые, как трещины в высохшей грязевой луже. Глаза потухли и поблекли. Будто лопнула где-то незаметно его невидимая оболочка и жизнь потихоньку, но безостановочно травила наружу, улетая вовне. И разговоры он теперь вёл невесёлые и всё более бессвязные. Не мог я ухватить ни одной стоящей мысли. Как на заезженной пластинке, где ты надеялся услышать новый аккорд, ждал его, знал, помнил, что раньше он где-то был, попадался на слух, а теперь пластинка стёрлась, и это всё безвозвратно ушло, потерялось, кануло в забвение.

А в один прекрасный день он лёг спать тёплым субботним вечером, перед этим привычно налившись дрянной водкой из дешёвого сетевого магазина. И утром не проснулся. Мы не добудились его, а спустя пять минут уже прыгали вокруг с зеркалами под нос и пытались нащупать пульс. Всё тщетно. Он ушёл во сне по серебристой лунной дороге в небеса. Потому что был светлым и добрым, справедливым и милосердным, не смотря на своё пролетарское происхождение.

Помню, Петя тогда очень расстроился. Ему мой отец нравился. Своего-то у него не было. Вернее, конечно, был, только Петя его в глаза не видел. Сгинул его папка-авантюрист где-то на просторах Хабаровского края. То ли в золотых рудниках, то ли на белых просторах между

нанайских стойбищ. А скорее всего, гораздо севернее, в жутких колымских принудительных лесозаготовительных артелях. Выпил ли ему там всю кровь медведь или задрал гнус, об этом история умалчивает. Мама Пети жила тоже где-то в тех краях, а самого его отдала на поруке своей сестре, Петинной тётке. Которая тоже в своё время попила Пете кровь не хуже того медведя, но послевоенное поколение, отличавшееся стойкостью ко всем внешним неблагоприятным факторам, тут дало сбой. Тётка поехала к сестре в гости через всю страну, чтобы дать Пете и его Вике насладиться отсутствием своего общества, а их детям – Лизке и Ромке пожить спокойно, без нотаций и затрещин. Да в поезде её просквозило, и явилась она в Хабаровск уже смертельно больной. Крупозное воспаление лёгких. Такие дела. Но речь не о Пете и его семье.

А вот мама моя ещё долго бодрилась. Она учитель, работник умственного труда. Поэтому ясность сознания сохраняла до последнего мига. И ей не свезло умереть тихо и незаметно, как батя, во сне. Она уходила в сознании. И я увидел первый раз агонию человека. Это было страшно. Жутко. Ужасно.

Помню, в детстве один товарищ со двора, заядлый ботаник-натуралист, его так и звали: «Ежак», подарил мне белую лабораторную крысу. С розовыми, почти человеческими лапками, розовым носиком и красными воспалёнными глазками.

Его мать работала биологом в лаборатории при каком-то институте. Гнобили крыс, мышей, морских свинок разной чумой и оспой во имя идеалов науки и просвещения. Вот Ежак под шумок и уволок крысу из института, благо, охрана тогда была довольно лояльна. Никаких ЧОПов с бывшими вояками, никаких камер наблюдения, никаких рамок металлодетекторов. Махровый благословенный «совок» самого расцвета брежневского застоя. Мне тогда семь лет было. А Ежаку и того меньше. Я до сих пор не знаю, была ли та крыса чистой или носила в себе вирус сибирской язвы, но судя по мне, скорее первое. Я-то до сих пор жив.

Так вот, идиллия с забавами с живой игрушкой длилась у меня не долго. До того самого момента, пока я не решил вынести его, а это был самец с огромными розовыми яйцами, погулять на улицу. Он к тому времени вырос до своего наибольшего размера и в моих маленьких руках смотрелся скорее кошкой, чем крысой. Огромный был крысюк. Да только, как и все увальни, бестолковый и неуклюжий.

Не успел он толком осмотреться на травке газона, как откуда ни возьмись, на него коршуном налетел дворовый дикий кот. Я и сам глазом моргнуть не успел, а кот уже ухватисто заграбастал мою белую крысу и хищно перехватил его поперёк корпуса треугольной змеиной пастью. Я успел вероломно схватить его за хвост, чтобы вернуть свою собственность. Крысюк в тот момент отчаянно и не по-мужски тонко пищал во всё горло. Кот лишь крепче сжимал челюсти, но я долбанул его по ушам со всей силы, попутно не отпуская хвоста. После непродолжительной борьбы, я, изодрав о его сабельные клыки пальцы, всё же высвободил своего незадачливого бедолагу.

Кот дёрнул в кусты, злобно озираясь, а я рассмотрел раненого крысюка. Белую, мокрую от кошачьей слюны шерсть заливала алая кровь из ран в боках. Крысюк был огромен. Он не помещался в обеих моих ладонях и его голова и задница с хвостом просто свисали по краям. Он тяжело и быстро дышал, пальцами я чувствовал, как пружинно-твёрдо напрягаются у него под шерстью мышцы, а сердечко тарахтит, как трещотка на велосипеде. А я просто стоял и растерянно-горестно смотрел на его агонию, не зная, как ему помочь. Всё случилось очень уж стремительно. А потом он пискнул, вытянулся в струну, я ощутил каменную твёрдость всего его тельца, и вдруг разом расслабился, напоследок выдохнув. И стал очень мягким и податливым. Обвис тряпками по краям ладоней. Просто шкурка, наполненная мягкой, как зефир начинкой.

Умер.

Так я впервые осознанно наблюдал смерть. И это запало мне в память своей обречённой неизбежностью, нелепым роком, безвозвратной несправедливостью и безжалостной бес-

смысленностью всего произошедшего. Смерть всегда безжалостна, неотвратима и приходит не к месту. Наверное, оттуда растут мои комплексы убийства и размышления о несправедливости смерти и ценности жизни. Ведь после смерти обратно никого не оживить. Это бесповоротное событие, которое происходит с каждым только единожды. И подготовиться к нему сложно.

Так и мама умирала в сознании, но я не держал её в ладонях, я упустил момент, когда она вытянулась струной, а потом обмякла. Она просто перестала вдруг монотонно глухо стонать, дёрнулась, будто испугалась чего-то, закрыв глаза, а потом утонула головой в подушку. А я сидел напротив и боялся пошевелиться. Не верил, что уже всё кончено, и она ушла куда-то в неизвестные пространства, откуда обратной дороги нет. А здесь, в старой кровати лежит только её оболочка. Пустое тело без души. Белковый механизм, призванный быть лишь храмом души. А когда наполнение уходит, храм становится руиной. Пустой оболочкой. Куклой-манекеном. Коконем, покинутым бабочкой. Наверное, ещё тогда, после кончины крысы, в свои восемь лет я впервые задумался о таком непростом понятии, как душа. И думаю до сих пор.

После похорон мамы я и попал на большой кредит из-за похорон. Разница в их смерти была в десять лет и цены на погребение за это время выросли ровно в десять раз. С пяти тысяч до пятидесяти. Каждый год они там, что ли удваивают прогрессию? Да только деньги я отдал, а квартира освободилась. И теперь было можно устраивать личную жизнь без помех. Вот только уже не хотелось. Слишком долго всё это тянулось. Успело надоесть. Я перерос юношескую тягу к созданию своей собственной счастливой семьи. Да и желание поумерилось и успокоилось. Теперь мне важно не количество и частота близости, а исключительно качество.

Татьяна умела давать качество. Казалось бы, ничем таким она не выделялась. Не то чтобы красавица, так, просто симпатичная. Лицо круглое, с правильным тонким носом, гармоничными губками и голубыми кукольными глазищами, как у Мальвины в старом советском кино. Ростом небольшая, на полторы головы ниже меня. А у меня стандартный рост в шесть футов, как принято мерить в пенитенциарных заведениях нашего вероятного противника с обратной стороны земного шара. Не худая. Не жирная, но и не стройная. Нечто среднее. Такой тонкий еле уловимый, ловко пойманный баланс между крайностями. На грани фола. Ей стоило трудов удерживать его питанием и спортом, чтобы не скатываться в ту или иную сторону. Грудь, как грудь. Немного отвислая, но не потерявшая форму окончательно. Хотелось бы, конечно, поизящнее, да только где её взять? Зато талия и тазобедренный комплекс вполне себе ничего. Абсолютно кондиционные. Ноги коротковаты, но это можно пережить.

Как пелось в одной старой песенке, я смотрю ей в след, ничего в ней нет, а я всё гляжу, глаз не отвожу. Было в ней два неоспоримых преимущества. Она обладала копной невероятно рыжих огненных волос. Своих.

Настоящая ведьма. Классическая, такими их изображают в сказках и кино.

И к этой роскошной копне бонусом шла её природная сексуальность. Она не стеснялась выражать свои чувства, деловито, и открыто творила в постели всё, что приходило ей в голову. Ко всему прочему у неё оказалась повышена тактильная чувствительность. И поэтому практически всё её тело было одной сплошной эрогенной зоной в той или иной степени. И этим она меня немало удивила, позабавила и приворожила. Говорю ж, ведьма. Скажете, таких не бывает? Бывает. Просто, пока сам не встретишь, не поверишь. Наверное, мне с ней крупно повезло.

Вот и сейчас она отдавалась процессу соития со всей серьёзностью. Не играла мне спектакль, а просто отрывалась от души, используя меня скорее как подручное средство для собственного удовольствия. С уважением и вниманием, но при этом во главу угла ставя собственные ощущения, не теряя и капли счастья от процесса, оставляя мне только самому поспевать за этим необузданным темпераментом. Она скрывала его ото всех умело и даже чересчур подчёркнуто, но оставаясь со мной наедине, будто выскакивала из этого панциря, бросив его прочь, как ненужную отработку, наглухо забывала о его существовании. Так раки линяют,

не жалея и не помня о старой оболочке, потому что наружу сейчас вышло настоящее новое, мягкое и приятное розовое содержимое.

Квинтэссенция и сублимация удовольствия. Экстракт страсти и полной отдачи процессу. Выжимка дикого хоровода гормонов, совершенно первобытное тёмное и манящее начало. Истинная ведьмина женская суть.

Это потом, выходя за дверь, она вновь мгновенно отвердеет панцирем целомудрия холодности и неприступности, а тут он ей без надобности. Тут она в полной безопасности ото всей морали и нравственности этого мира, и может делать всё, что нравится или, что ещё не было испытано. А это редкий дар.

За спиной Татьяны телевизор вполголоса бурчал, и по экрану бегала семейка желтокожих Симпсонов. Из динамиков включенного «компа» лилась длинная, как у дяди Стёпы, песня «Отель Калифорния», а моя ведьма неистовствовала на мне.

Она сосредоточенно, прикрыв ресницами свои голубые топазы, водила бёдрами и тазом вперёд-назад. Постановывала сладостно и с надрывом, впивалась мне в рёбра когтями. Время от времени она наклоняла голову вниз, так, что копна её рыжей гривы падала мне на грудь. А потом резко откидывала её назад, так что в воздухе получался круговой огненный вихрь. И мне это сильно нравилось. Вскоре ей наскучило однообразие своих движений, и она непридуманно и энергично завертела бёдрами из стороны в сторону, сменив ритм и гамму ощущений. Так тоже было необычно и приятно. Никогда раньше у меня не было такой изобретательной и горячей любовницы, умеющей и любящей делать любовь.

Интересно, а меня она любит? Или умело пользуется положением? Живёт с начальником, делая только вид стройных пропорциональных отношений, демонстрируя мне и остальным причастным гармонию и присутствие такой эфемерной субстанции, как любовь. А сама просто пользуется моим телом, как спортсмен снарядом. Для собственного удовольствия и решения физиологических проблем. А что? Хорошая позиция. Так многие сейчас живут. Но я не верю в такой цинизм. Я вообще склонен женщинам доверять. Иначе, при моих рефлексиях, жизнь станет совсем невыносимой. А когда ты веришь, что тебя любят, жить как-то спокойнее и приятнее. Да и Бог ей судья.

Люблю ли я её?

С высоты своих лет и своего опыта, могу сказать – да! У меня в жизни было совсем немного женщин. Меньше десятка. И я точно знал, каково это, когда кого-то любишь. В разлёте от самой первой, наивной детской любви к однокласснице, которая случается с каждым школьником, дальше переходя в увлечения и романы студенческой поры. Когда готов сам себе внушить и поверить, что любишь ту, которую удалось затащить в постель, а спустя короткое время, анализируешь и понимаешь, что это была лишь страсть, животный зов плоти. И дальше, до тех, уже более спокойных, размеренных и рассудительных отношений, когда та, которую ты выбираешь, привлекает не только формами и доступностью, но и тем, что она делает, говорит, как видит эту жизнь, как сама строит те мостики, которые называются отношениями. И строит их не только и не столько в постели. Постель имеет свой вес в строительстве, но далеко не владеет пятьюдесятью процентами акций предприятия «Отношения МостСтрой». В зрелые годы важна не только телесная совместимость, а и духовная, душевная. Да и бытовая, несомненно. Всё по Маяковскому, когда теперь двое в любовной лодке и вместе лавируют, чтобы не разбить её о рифы быта, мелких сиюминутных недовольств, колючего абразива притирки, нервов и плохого настроения, которое случается. Редко или чаще. Как и у любого в жизни.

В этом плане у нас с Татьяной как раз всё сложилось очень легко, ладно и крепко. Мы встретились, когда она поступила к нам в колонию на работу, а я ещё был только замом. Как-то так, слово за слово, пошучивая обиняком и намёками, мы вдруг почувствовали некую нить или, как сейчас выражаются, связь, химию. Повстречались, погуляли, всё по классической схеме. А потом я принялся выискивать по знакомым свободные на некоторое время квартиры для

встреч и снимать дешёвые гостиничные номера. Мама моя тогда уже болела, и Татьяна приходила оказывать ей мелкие врачебные услуги, вроде уколов и капельниц. Болезнь, правда, не смягчила мамин строгий воспитательский характер, и она категорически запретила мне оставлять свою подругу на ночь. Да и выглядело бы это нелепо. Встречаться же у моей подруги дома тоже было «не вариант». Жила Татьяна с дедом и бабушкой по маминей линии. Те ещё персонажи. Алкоголик с «прибабахом» и истеричка, задетая по голове брошюрой свидетелей Иеговы. А вот теперь всё изменилось. Теперь мы делаем на моей новой кровати всё, что захотим.

– Возьми меня сзади! – соскочила вдруг с меня Татьяна и ловко, хищно, как кошка развернулась, повиливая ягодицами.

Она знала об прелестных особенностях такого вида с тыла для стороннего наблюдателя в моём лице, и выставляла себя умело и выверено в этом ракурсе. И я, не мешкая и не сомневаясь, подскочил, хрустнув спиной, и твёрдо, но ласково взялся за те изгибы, что называются талией. Всё её сочное манящее бархатное лоно на секунду мелькнуло у меня перед глазами, и я, чувствуя в груди накаляющийся томно-сладострастный шар похотливого огня, одним чётким отточенным движением въехал в неё, как пест в ступку с маслом. О, это было божественно.

Она тут же принялась извиваться, оттопырив попку, а сама, то раскидывая руки и падая лицом на одеяло, то упираясь в него и прогибая спину дугой. И вновь её голова ходила маятником, осыпая мне лицо золотисто-бронзовым водопадом волос. Кричать она совсем не стеснялась и поэтому комната наполнилась тигрино-протяжным воем и резкими всхлипами наслаждения.

Соседи наверняка слышали эти животные рулады и догадывались о том, какое они имеют происхождение. Но зная мой смурной непререкаемый характер по этим вопросам, о тех нюансах правил проживания в общежитии, не решались мне прямо предъявлять претензии. Да и соседями моими были в основном люди молодые и адекватные. Сами не чуждые подобных утех. А мои полковничьи погоны напрочь отбивали у самых ретивых желание покачать права. Мало ли, вдруг такой большой начальник осерчает и закатает оппонента в свою «кутузку». Да ещё засунет в пресс-хату, доказывая потом, что ты всего лишь за солью заходил!

Я начал разгоняться, почуяв, как во мне произошёл подспудный отлив, который всегда служит точным предвестником неминуемого цунами, и моё естество накалилось и уплотнилось на порядок, вибрируя мелкой рябью предстоящей сладостной разрядки. Она это почувствовала, и волна мелких сокращений плотно пробежала по набиравшему махи шатуну. Рыжий всплеск вновь хлестнул мне по глазам и сквозь его брызги прорвался крик:

– Да! Да!! Ещё!! Сильней!!! Да!!!

Когда она кончала, то становилась совсем шальной.

И вот она, ослепительная вспышка! Звёзды в глазах через накатившую тьму, уши закладывает, словно цунами увлекло меня в самую глубь. Тело почти не слушается, трясаясь в конвульсиях божественного удовольствия. Ноги мелко дрожат от напряжения, готовые неловко подломиться, но я держусь, краем сознания балансируя в равновесии, а руками крепче хватаюсь за мягкую упругую плоть, и рвётся из моих уст сквозь зубы стон наслаждения.

Говорят, умирающие в последний момент агонии тоже испытывают разрядку. Как защитный рефлекс организма. Под повешенными часто находят следы вытекшей спермы и смазки. У своих клиентов я такого не замечал. Пуля разрушает мозг за долю секунды. Он просто не успевает послать сигнал гипофизу и эндокринным железам, чтобы те впрыснули основу для эндорфинов, и их весёлая ватага затоптала бы неожиданную и нежданную боль. Это как запустить программу и вырубить компьютер из сети. Процесс встаёт на полпути. Потому что купировать боль уже не для кого. Мозга нет. Он на стене. И нет у него «вай-фая» для дистанционной связи с пустой черепашкой. Да и незачем она ему.

Если бы мне дали выбор, как бы я хотел умереть, я бы, наверное, поступил по-самурайски, но с некоторым «апгрейдом» этой процедуры. Я видел много раз, как быстро живой человек обращается в бессмысленный мешок, набитый требухой и абсолютно неуправляемый и бесполезный, когда ему выносишь «чердак». Это как вырвать процессор монтировкой. Так вот, пусть мне выстрелят слева, чуть снизу вверх под затылок, но только в момент оргазма. Вот такого, как у меня сейчас. Когда и без грохота взорвавшегося пороха и без хруста вгрызающейся в кость пули, в голове вспыхивают звёзды, а сам ты будто отрываешься от тела, потому что оно бrenно и мешает до конца насладиться этим невероятным природным даром. Ты сам будто на мгновение умираешь. Ведь говорят же, что оргазм – это маленькая смерть. Так вот пусть мой палач поймает тот момент, когда моя маленькая смерть высечет первые искорки в сетчатке, да споро и ухватисто выпустит на волю мою большую латунно-свинцовую смерть вместе с мозгами. Так, чтобы сама душа в экстазе выскочила наружу в пролом лба на веере непоправимо разорванного в клочья биологического процессора. Да пролетела сквозь стену без помех, оставив позади неопрятные ошмётки в мелких кровеносных сосудах. Теперь процессор без надобности. Ядро на свободе, а скорлупа пойдёт в утиль.

Интересно, как там, в загробном мире? У отца Сергея, что ли спросить?

А Татьяна тоже взвыла и встряхнулась, как собака от воды. А потом плашмя в полный рост рухнула и растянулась по одеялу, откинув безвольные руки и разбросав ноги в полную длину. По телу её шла судорога, и оно мелко подрагивало в пароксизмах неземного наслаждения. Её оргазм был гораздо сильнее и насыщеннее моего даже на мимолётный взгляд. Лицо её перекосило, теперь оно стало грозно-гневным, без капли разума. Вся она ушла в ощущения. Валькирия. Нет, истинная ведьма. И сейчас её абсолютно не волновало, как она выглядит снаружи. Цунами, зародившееся в моих чреслах, пронеслось через мой узкий шлюз, сорвав попутно мне голову, и ворвалось в её утробу, где уже спокойно, уверенно и открыто набрало полную мощь.

Она так долго лежала и тряслась, что я даже немного позавидовал. Вот кому в момент разрядки закатай «маслину» в «башню», так она даже не поймёт и не почувет. Просто игнорирует все эти мелкие неурядицы. Да, и тут мне удачи нет. Мало того, что такая смерть мне не светит, так если бы и светила, есть те, кто сделает это гораздо качественнее.

Нет, нельзя так думать, а то окажешься на месте того мотоциклиста и будешь мечтать хоть о сотой доли удачи остальных непричастных. А злая судьба будет победно смеяться за спиной, покачивая головой, и как бы говоря: «Сказочный долбоёж!».

Она ведь не обращает внимания на твои желания. Её смешат твои планы. Равнодушно делает она своё дело, не считаясь с мечтами, надеждами и здравым смыслом. Пути её неисповедимы и нелогичны. Потому что нам не понять логики высших сил. Там всё так лихо закручено, что любой гениальный математик беспомощно хлопал бы глазами, увидев ту формулу, по которой работает судьба. Ведь она учитывает не только твою личную константу. Тут в ряд строятся производные всех твоих поступков, множатся на коэффициенты добра и зла, вычитается корень деяний твоих семи колен и возводится в степень сумма прошлого и будущего общечеловеческих интегралов поколений и событий.

Не осилить эту музыку небесных сфер простому человеку. Как, в свою очередь, не поймёт арифметики, доступной даже первоклашке, обычный муравей. Муравью это не то, что сложно, ему это чуждо. Как нам иметь внешний скелет.

Главное, чтобы судьба руководствовалась, пусть непонятным нам, но планом. А не выступала в роли бездумного злого мальчишки, жгущего муравьёв увеличительным стеклом просто для забавы или от скуки. Муравью-то небесный огонь так же необъясним и неотвратим, как нам переход к таинствам загробного мира.

Татьяна открыла глаза, нашла меня взглядом, улыбнулась. Переменила позу, повернувшись на бок и подставив ладонь под щёку. Теперь, в полумраке и отблесках от мель-

тешни по экрану, её глаза светились тёмно-зелёным дьявольским тяжёлым и манящим светом. А зрачки обрамляли тонкие жёлтые полосы. Игра светотени и воображения, но красиво. И сладко-тревожно. Я осматривал неспеша её протянувшееся передо мной тело, от огненной макушки, до ступней с кровавым педикюром. Невольно заглянул за крестец, чуть вытянув шею. Нет, хвоста нет. Только рыжая подбритая полоска на лобке, как сертификат подлинности.

– Нравлюсь? – хриловато-грудным после оргии голосом спросила ведьма.

– Не то слово, – хмыкнул я довольно. – Я в восхищении! Я восхищён!

– Ухо оторву, – продемонстрировала она знание нетленной классики «Мастера и Маргариты». – Я в душ.

И встала, потянувшись и раскинув руки. Грაციозно прошла в коридор, подрагивая на ходу ягодицами, слаженно двигающимися в сложном возвратно-поступательном в двух плоскостях ходе. Зашумела вода в ванной. Я подхватил полотенце со спинки стула, вытер себя, чтобы не пачкать одеяло. Потом выбил из пачки сигарету и закурил. Симпсон в телевизоре уверенно констатировал:

– Радиация вредит только тем, кто её боится!

– Вот именно! – подтвердил я. – Как и табак.

Душ смолк, и Татьяна явилась обратно, теперь замотанная в белое махровое полотенце. Легла рядом, устало и довольно закурила тоже. Окно было открыто. Наполовину занавешено шторой, но оставался треугольный прогал. Снаружи противомоскитную сетку таранили стаи комаров. Густые и упёртые, как эскадрильи «Хейнкелей» четвёртого воздушного флота «Люфтваффе», идущих бомбить Сталинград в августе сорок второго. Если выключить музыку и «телек», я уверен, можно услышать нудный многоголосый гуд, от которого щемило сердце и хотелось бежать в бомбоубежище. А ведь лето только сегодня началось. Совсем коммунальные службы мышей не ловят! Опять мошкар и гнус не потравили в окрестных водоёмах. Недаром таких вот хапуг-чиновников приходится казнить. Может, мне надо представлять, что тот взяточник как раз и виноват в этом комариной свистопляске? С какой дрянью приходится иметь дело! То опарыши, то комарьё.

Инсектопия.

Царство человекообразных насекомых. Оболочка человеческая, содержание козявочное. А что удивляться? Человек суть то же животное. Разница только количественная. И ещё у него есть разум, который с трудом справляется с врождёнными инстинктами. А те, кто не удержал в себе инстинкт хищника, или размножения, по схемам, выдуманным слабым разумом, попадают ко мне в блок смертников. Естественно, нобелевских лауреатов там не сидело ни одного. Лишь и исключительно отбросы, шваль, моральные уроды и имбицилы. Биомусор. А я дезинсектор, поставленный слабым разумом, на несовершенную хлипкую стражу смешного закона. Нет, зря я тешу себя таким высоким званием. Я просто живая мухобойка.

Инструмент.

А инструменту не положено думать и сомневаться. Шестерёнка не думает, зачем она крутится, а винтику плевать, зачем он так крепко вцепился в резьбу. Потому что, если начинать задумываться о таких простых и глобальных вещах, то начинают открываться новые неизведанные горизонты, а сомнения гложут и отнимают сон. Потому что винтик срывается с резьбы, а шестерёнка выходит из сцепления с зубьями соседки. И тогда звенят цепи, гремят решётки, открывается дверь и на плюшевую тумбу вспрыгивает старый побитый молью лев.

Совесть.

И начинает пялить свои жёлтые злые зенки, в которых нет разума, а есть тупое нескончаемое желание сожрать свою жертву, растерзать на лохмотья и выгрызть дотла. А в сивой гриве копошатся уже воши страха, сомнения, уныния и безнадёги. Они растут, крепчают, матерюют, вытягиваются и извиваются, оборачиваясь змеями. И грива становится короной Медузы.

Когда она окончательно сформируется, настанет пора шагать в подвал, под табличку с надписью об оставленной надежде. Тоскливое зрелище.

Как жить?

– Эй! Чего задумался? – выдернул меня из водоворота хмурых мыслей голос моей сладкой ведьмы.

– Задумался, как дальше жить!

– И что? Придумал? – теперь, после игрищ Татьяна была настроена игриво.

– Нет. Ничего умного в голову не приходит.

– Странно. Ведь ты же такой умный, – притворно огорчилась она. – Я из-за этого с тобой и живу. Кстати, ты не думал о том, чтобы я к тебе переехала?

– Зачем? – напрягся я.

– Мы три года вместе. Квартира у тебя свободная. А я со стариками задолбалась уже. Не хочешь съехаться?

– Вся прелесть и цикличная новизна наших с тобой отношений завязана на свежести именно таких свиданий. Если нам съехаться, всё волшебство исчезнет. «Бытовуха» сожрёт его, как моль платок. Ты рассмотришь, наконец, какой я зануда и мизантроп, а спустя месяц убежишь в обратном направлении с горестными криками, посыпая голову пеплом сторовшей любви!

– Пожалуй, ты прав. Вот и за это тоже я с тобой не расстаюсь. Не потому, что надеюсь на нормальную семью. Не потому, что верю, что у нас могут быть дети. Не потому, что ты под шкурой романтика прячешь своё занудство. А именно за лёгкость и доступность изложения. За флёр высокой игры ума. Ты, как хороший фильм, который надо смотреть время от времени, а не ставить гонять по кругу на весь день. Однако время идёт. Я не становлюсь моложе. Скажи прямо, у нас есть будущее?

– Есть. Оно будет непременно, по условию задачи. Только какое оно будет? Ты хочешь жить у меня. Даже презрев мои предупреждения. Ты хочешь свадьбу и детей. Но пока мы слушим вместе, пока я твой начальник, свадьбу нам с рук не спустят. Придётся кому-то увольняться. Я предлагаю дождаться моей пенсии, до неё не так далеко.

– Ага! Всего-то семь лет!

– И что?

– Мне тогда будет тридцать пять!

– Мои родители сделали меня, когда папе было сорок, а маме тридцать семь. И нормально получилось.

– Я боюсь. Боюсь, что уже стану старой и не смогу нормально выносить и родить. А если рожу, то он будет хилым и болезненным. И я буду совсем старухой, когда он вырастет. Я могу не увидеть внуков! Как и твои родители!

– Эх, куда тебя занесло! Во-первых, когда ему исполнится двадцать, тебе будет всего пятьдесят пять. Как раз пенсионерами становятся простые граждане, чтобы спокойно воспитывать внуков. И живут ещё долго и безбедно. Во-вторых, ты же сама медик! Тебе ли не знать себя и не чувствовать, болееешь ты или здорова? А если болееешь, самой себя профессионально и качественно вылечить? Ты как? Не болееешь?

– Я здорова. У меня беспокойство другого плана.

– Я понимаю. Тебя не устраивает текущее положение вещей. Ну, потерпи ещё какое-то время! Мне надо определиться в жизни. Сейчас у меня трудный период. Мне легче жить одному. Я так привык, что в это уязвимое время менять стиль подобно тому, что разрушить весь мой уклад. Это всё из-за того... – я запнулся и переформулировал: – После того, как вступил в начальничью должность...

– Из-за того, что тебе надо казнить преступников? – безжалостно и прямо врубил ведьма.

– Да.

– Ты забил себе голову чьей-то чужой виной. Ты ведь уже... – теперь она замялась, подбирая нужное слово, – уже исполнял законное возмездие многим. Скольким, кстати?

– Девятерым.

– Неужели ты ещё не привык к этому?

– А должен был? – искренне возмущился я.

– Это обычное стандартное поведение. Первый раз – шок. Потом привыкание. А после определённого количества вообще рутина.

– Финские пулемётчики сходили с ума, когда день напролёт на них пёрли цепи красноармейцев. Что-то у них не выходило привыкнуть, хоть и укладывали они народ сотнями!

– Тоже мне, финский пулемётчик! Ты же не в один день сотню уложил. Тут это работает по-другому. Время лечит. Не придуряйся, всё ты понимаешь!

– Как тебе объяснить? Да, рабочий момент мне даётся всё легче. Рука набивается. Как на велосипеде научиться кататься. Могу спокойно выстрелить в человека, потому что это лишь работа. Тут просто уже выработка привычки и механическая мелкая моторика рук.

Здесь я, конечно, покривил душой. Мне всегда было трудно стрелять в живого человека. Приходилось долго настраиваться и заставлять себя против воли. Я не стал заостряться ещё на этих мелочах, а объяснил более обтекаемо:

– «Запара» в том, что я стреляю именно в человека. Не в мишень, не в манекен, а в живого, мать его, тёплого и дышащего человека. Он мыслит, чувствует, кого-то тоже, вон, любит, наверное. Не смотря на все его отвратительные поступки и деяния. На все его ужасные преступления, за которые он достоин смерти. И ведь это не я решил, что он достоин того, чтобы умереть. Но мне приходится его убивать. Понимаешь, убивать! Прекращать в нём всё это движение крови, мыслей, чувств! А кто я такой? Почему мне разрешено отнимать жизнь, пусть самую ничтожную?! Я будто в долг беру у своей жизни. И долг растёт неотвратимо. Копится, не снижаясь, обрастает процентами и пухнет. И расплата в конце неминуема и неотвратима. И там некому будет объяснить, что я лишь выполнял волю чужих людей. Их-то руки чисты! А я весь в дерьме!

– Там, это где? – насторожилась тревожно ведьма.

– Там, – повертел я неопределённо пальцем, указывая вверх. – На высшем суде.

– Перед Богом что ли? – выгнула она бровь и стало непонятно, стебается она или хочет искренне проникнуться.

– Не важно, перед кем. Я не знаю, кто там. Бог, Аллах, Ктулху или высший разум вкупе с инопланетянами. Может, и нет никого. Но я чувствую, просто уверен, что так просто мне это не оставят. Дел я уже наворотил, теперь судорожно размышляю, как отвертеться ещё при жизни. Я думаю, выход есть. Я его всё время ищу, нащупываю в тёмном лабиринте мыслей. Иногда почти нахожу тонкие лучики света, потом понимаю – не то, но близко. Я ищу. И когда найду, смою с себя всю свою навязанную вину и успокоюсь. Тогда и тебя сам к себе жить позову. И будем мы жить долго и счастливо!

– Ищи тогда быстрее, – достала ещё одну сигарету Татьяна. – А то другие подсуеются, пока ты тут сопли будешь размазывать по поводу мифической вины и призрачной расплаты. И выходы искать из трёх сосен. И прогонят тебя из кресла ссанymi тряпками без персональной пенсии и привилегий. С волчьим билетом в народное хозяйство.

– В смысле? – нахмурил я лоб.

– Коромысле! Я ж не в вакууме работаю. Коллеги вокруг. Судачат, треплются. А я ненароком слушаю, хоть они и стараются при мне много не болтать. Только бабы есть бабы, а мужики и того хуже бывают.

– И что говорят?

– Много разного, интересного.

Я не стал выказывать нетерпение, а взял паузу, потянувшись к пачке и зажигалке. Сейчас она сама не выдержит и поведает всё более обстоятельно, чем, если бы я принялся её пытать и вытягивать сплетни допросом. Я изучил нюансы её психологии и знал привычки и вкусы. Она не любит, когда её перебивают и задают много наводящих вопросов. Это сбивало ведьму с хода повествования и раздражало. Лучше дать ей самой степенно высказаться и выговориться. И это сработало.

– Говорят, что ты взял привычку общаться с теми, кого собираешься казнить. И проводишь там время подолгу. Вот они и думают, о чём там можно так долго говорить? И главное, зачем?

Я пожал плечами, будто хотел показать, что проблемы нет, дело житейское и из-за такой ерунды не стоит ломать голову ни ей, ни досужим глазастым сплетникам. Оба мы понимали, что это далеко не ерунда и не мелочь, но всё-таки начальник пока я, и мне решать, с кем, о чём и сколько разговаривать. Ведь, по сути, я ничего противозаконного не делаю?

– Поговаривают, ты заставляешь их с собой общаться против воли. Лезешь им в души. Треплешь нервы. Выводишь из равновесия. Доводишь чуть не до самоубийства или сердечного приступа. Они думают, что ты не хочешь пачкать руки и стараешься сделать так, чтобы они умерли естественным путём или наложили на себя руки. А истязания и доведение до суицида – это уже реальная статья.

– Пора нам колонию перепрофилировать в издательство фантастических романов. Материала – горы. И кто ж такие у нас фантасты доморощенные?

– Да хоть наш начмед. Или Калюжный. И даже Павлов к их мнению прислушивается и разделяет. Не говоря уж о младшем составе. Там вообще такие басни распускают, что даже девчонки в канцелярии смеются. Мы на обед все вместе ходим, так они таких «страшилок» нарасказывают, что ни в какие ворота. И, главное, сами понимают, что бред услышали и бред передают, а остановиться выше их сил. Чем гадливее басня, тем с большим жаром её обмусоливают...

– Чем невероятнее ложь, тем скорее в неё поверят... – задумчиво сообщил я в унисон.

– Точно сказал! – согласилась Татьяна.

– Это не я.

– А кто? Морозов, твой зам. по БОР?

– Геббельс.

– Кто?!

– Министр народного просвещения и пропаганды Третьего Рейха.

– А, ну тот-то в таких делах собаку съел!

– Однозначно. Он в этих делах любому корейцу сто очков форы даст.

Надо же! Ну, в Мантике я не сомневался. Этот извращенец собирает всю грязь не для того, чтобы самому вверх пролезть, а чтобы другого в нужнике утопить. Такая подлая у него натура. Развлекается он так. Испытывает эстетическое удовольствие от того, что лепит снежки из дерьма, а потом закидывает оппонента. И любителю получившейся картиной. Не замечая, что сам весь забрызгался и смердит хуже своей жертвы. Копрофил штопанный.

Калюжный Андрей Евгеньевич, мой зам. по воспитательной работе, гнида ещё та. От него можно такого ожидать. Как раз он пропустил момент передачи бронекресла в новые руки и теперь точит зуб и собирает материал. Это я и так знал. И не давал ему шанса. Одно дело – слухи, другое – доказательная база. Этот упырь, конечно, много на меня накопал, возможно, уже целое дело, да только без железного аргумента это всё пшик. Он ждёт, когда я оступлюсь.

Однажды, уже при мне, казнимый действительно скончался до казни. И я с ним тоже беседовал. Да только судмедэкспертиза установила у покойника рак прямой кишки в последней стадии, так что к инфаркту от моих моральных истязаний это никакого отношения не имело. Утёрся Калюжный, но материалчик подшил. И ждёт теперь, как паук в сети моего нового про-

кола. Хочется ему опустить свою плотную жопу в красивое кожаное кресло. Да только на эту жопу у меня хер с винтом. Не дожждётся он оказии. Не дам я ему такой щедрой подачки.

А вот от тюфяка Павлова я такого не ожидал. Он мой зам. по тылу. Ему-то вообще кресло почти не светит. Не той масти он, не на то учился. Хозяйственник и менеджер он хороший, но организацию, логистику и аудит он не потянет. Да и характер не командирский. Хотя, у меня тоже не маршальские замашки, но я хоть умом могу взять, образование позволяет. А этот – пингвин с десятью классами, пролез в тыловики по блату. Брат двоюродный у него в УФСИНе какой-то «шишкой» трудится. Вот и подтянул бывшего «лейтёху» в подполковники на тёплое местечко к нам в колонию. При мне этот тюлень рос в званиях не по дням, а по часам, как Гагарин в своей космической «шароборке» «Восток»!

Так ты смотри, и этот волк тряпочный не в тот лес смотрит. Разделяет он! Это я вас разделю и повластвую! Веди учёт и пересчитывай вверенное добро, кладовщик в погонах! И не суй свою рыбную морду в мясной ряд! Хотя, морда у него, как раз, свиная. Такое рыло, за неделю не обгадишь. Типичный такой, хрестоматийный тыловик. Одни упыри кругом. Так чего я хотел? Это нормальное состояние для любого учреждения такого, да и любого, типа. Обычный биогенез клубка ядовитых змей. Нормальная стандартная банка с пауками.

Только я выпадаю из обоймы. Много думаю. Хищники не думают долго, они работают на инстинктах. Рефлекс всегда быстрее самого хитрого плана, рождающегося в раздумьях. Зверь не планирует атаку, он просто начинает двигаться, а мышечная память и минимум стандартных отработанных моделей действия доделывают дело. Скорость, время и решительность определяют победителя. Когда всё время крутишься, не думаешь, а всегда делаешь, идёшь на опережение, разыгрываешь простые схемки в два хода. Потому что сложную стройную красивую многоходовку развалят твои же бездарные тупые коллеги. Пауки не играют в шахматы. А я не играю в паучьи подлжки.

Я над игрой. Конечно, приходится ставить заслоны, оборонять крепость, делать превентивные шаги, но я никого нарочно в дерьмо не окунаю. Не топлю и не уничтожаю. Бывает, предупреждаю. Бывает, подлавливаю и перевербовываю. Того подкупаю, другого запугиваю. Но, как рачительный гроссмейстер, берегу каждую пешку. Без дела, для удовольствия, никого не уничтожаю. Держу всех близко к себе. В партере легче их контролировать. Со спины неудобно им бить. Мне интересен процесс, а не результат. А то, что это всегда было, есть и после меня останется, так тут я солидарен. Зачем схему менять? Когда она хорошо работает? Пусть, схема порочна, но это единственное, что работает. Другие отмерли, засохли и отвалились за недееспособностью. В этом Датском королевстве только так всё и существует. Только так всё и делается. Вот только запашок по нему тянется отвратный. Смердящий. Сгнило что-то в этом королевстве. Или таким уже тухлым и родилось? Петя сказал, мысли пачкают мозги. Это не так. Мысли приносят аромат тлена. Не думай, и тогда миазм отпустит, уйдёт и растворится в безмыслии. В праздной простоте, как арифметическое уравнение, схеме бытия: спи, жри, трахайся, филонь на работе, дави нижнего, плюй в слабого, бей доброго и сдохни в срок, желательно предпенсионный. Будь, короче, счастлив, человек! Выбор за тобой. Или здоровый румяный кретин без тени мысли и сомнений, или пьющий ипохондрик, кашляющий от запаха гнили.

Только крепкий запах зверя, львиное острое, шибяющее в нос амбре заглушает тяжкую вонь окружающего бытия. Бодрит, как нашатырный спирт, но не приносит осознания. Не прийти в себя от этого звериного настоя, а только отвлечься от болотной хмари вокруг. Из одной кучи унылого дерьма в другую. С тумбой, обтянутой плюшем и непременно потёртым пегим львом. Вот так и живу, запертый на арене с собственной совестью, идущей в неприменном наборе, чтобы не бродить впотьмах на ощупь по вонючему смердящему болоту. Ибо стать обратно бессмысленным организмом не могу.

Так что пусть себе копают, собирают материал, замешанный из фекалий праздной трептотни, гнилых водорослей слухов, скользких лягушат догадок и домыслов на мутной жидкой болотной водиче слепой человеческой ненависти и чёрной душной зависти. Сами же им и поперхнутся. Ведь начальник Особого отдела – мой хороший друг. Этот товарищ не из их серии. Он скорее ближе к прокурору Костику. Правильный человек с верными понятиями. А то, что должность у него фискальная, так это даже к лучшему. Такой, по личным причинам, из собственной неприязни, никого не утопит. Посчитает ниже своего достоинства. К нему относятся неоднозначно. Потому что сам он человек контрастный. Эдакая гремучая смесь кристальной правильности и безграничного цинизма. Честность, прямота и откровенность, возведённые в такой абсолютизм, что всё это зашкаливает далеко за границы добра и зла. Парадоксальный клубок взаимоисключающих понятий. И ведь может себе позволить не только потому, что на нём наплечники майора Собственной безопасности. Он и в мужском разговоре скрутит оппонента в бараний рог. Бывший разведчик, аналитик и практик, почти шпион-диверсант. Такой он, Артём Егоров, оригинальный собеседник и головная боль для нарушителей. Для кого-то просто «обезбашенный отморозок», а по мне так изумительно остроумный «толстый» тролль-виртуоз. Хам, конечно, но обаятельный.

Впрочем, куда-то я не туда заехал.

– Тань, – позвал я ведьму, – а ты сама веришь этим басням?

– Нет. Но я фильтрую их мелким ситом. И некоторые крупинцы задерживаются.

– Выходит, и ты под меня копаешь? – коряво попытался я свести всё к шутке.

– Ещё бы! – поддержала она. – Я же к тебе ближе всех! Вот подсижу тебя, скину с кресла, сама усядусь и начну казнить всех направо и налево без зазрения совести! А ты будешь гнить в «процедурке»!

– А что? С Мантиком чаи погоняем, да в нарды порежемся! Малина!

– Скорее, «клубничка». Ты не радуйся, это ещё не всё.

– Ну да! «Клубничку», как самое вкусное – на десерт!

– В точку. Тут не только клубника, тут ещё и развесистая клюква. Или бомба. Тогда не до шуточек всем станет. Я тут недавно краем уха слышала такое предположение, что наш штатный священник, отец Сергей, работает на ФСБ.

Я представил себе дородного отца Сергея с рыже-пегой полинявшей бородицей венником. В его чёрной сутане или как там она называется? С крестом в ладонь на пузе, на якорной цепи. Его пронзительный баритон, пытавшийся казаться басом. Его необычное мировоззрение, формально каноническое, но с нотками житейской простоты и где-то цинизма. Он за словом в карман не лез и относился к пастве сурово. А вот представить его мило общающимся с силовиком из всесильного комитета мне толком не удалось. Не любил он их. Да и калибр у него не тот, чтобы к нему имелся стратегический интерес.

– Вот это поворот! – развеселился я. – Так это нормально! Церковь ещё со сталинских времён тесно, ноздря в ноздрию трудились с НКВД на ниве всеобщей борьбы с врагами народа и изменниками Родины. Делали одно общее большое и нужное дело.

– А если, правда? И он «стучит» в «контору»?

– Точно! Ты Татьяна зря это мне сказала. Ведь ты, таким образом, переводя «стрелки» на святого отца, отводишь подозрения от себя!

– Ты дурак?

– Нет, я умный! Я вас сразу раскусил! Смотри, ты рыжая? И отец Сергей рыжий. А это верный знак. ФСБ вербует по совершенно неменяемым признакам, а я умею мыслить нестандартно! Признавайся, за сколько серебрянников продала меня «кровавой гэбне»?!

– Ты совсем поехавший! Причём тут цвет волос? Я серьёзно!

– Ладно, не заморачивайся. Я шучу. А про отца Сергея я попытаюсь пробить у Егорова. Но это бред кристально чистой воды из святого источника. Ты так не думаешь?

– Мне так тоже показалось. Но потом я задумалась и...

– Я тебе заявляю, как эксперт в этом вопросе, не заходи за эти границы. Не думай долго и глубоко. А то пропадёшь. Станешь, как я, социопатом, мизантропом и букой.

– Боже, с кем я связалась! – она утрированно закатила глаза.

– Так ты мне не ответила, что ты сама обо мне думаешь? Скажи, как старый агент охраны с опытом стихийного психолога? Вас же в разведшколе учили азам психологии? По-твоему, я издеваюсь над преступниками, запугиваю и хочу заставить их пойти на суицид?

Она смотрела мне в глаза долго, мучительно раздумывая, не решаясь и стараясь как-то корректно сформулировать ответ. Потом собралась и выдала:

– Ты не обижайся, я не знаю, о чём ты там беседуешь и что с ними делаешь. Наверное, ты не делаешь именно того, что о тебе говорят и думают. Но, что-то такое, подобное, возможно, в мягкой форме происходит. Дыма без огня не бывает. По моему личному независимому мнению, ты просто заряжаешься от них, как вампир! Сосёшь их уязвимую энергию, покрываешь свой страх их оголтелым ужасом скорой расправы. Ведь испуганные люди беззащитны. А ты пьёшь их, как бальзам для собственной страшящейся души. И на время боль и страх отступают. Спят сытые и довольные. Но это путь в никуда. Возможно, я ошибаюсь...

А я задумался.

Хорошая у нас, оказывается, складывается пара! Крепкая, здоровая ячейка общества! Респектабельный вампир, мучимый рефлексиями и рыжая похотливая ведьма. Но это лирика. А на самом деле она дело говорит. С такого ракурса на проблему я ещё не догадался посмотреть. И в этом ключе открылись новые горизонты. Есть куда посмотреть и о чём поразмыслить. И малые зёрна правды тоже проблёскивают. Не собрать из них рисунок, но в общей картине моего мироощущения они займут свои места. И, возможно, помогут мне сделать шаг к разгадке и ответу на вопрос. Помогут найти лазейку в ловушке совести.

Параллельно, как бы оправдательным фоном, в голове проносились обрывки воспоминаний о моих беседах с тем депутатом-взяточником. Вот уж кого я не запугивал и не «прессовал»! Всё было, как никогда, чинно-благородно. Душевно, практически, по-семейному. Его звали Вадимом Александровичем Ивановым, и было ему за пятьдесят. Вернее, есть. Он ещё пока живой, даже ответ на прошение не пришёл, только на днях ожидаем по срокам.

Когда он отошёл от шока, перестав быть овощем, я как-то заглянул к нему, будто невзначай. Он сидел, понуро пригорюнившись на краю «шконки» и нервно подёргивал подкожными лицевыми мышцами на упитанных щеках. Повернувшись, он во все широко открытые глаза рассматривал меня, будто первый раз видел. А я закрыл за собой дверь и встал, заведя руки за спину, и тоже открыто глядел на него.

Это был немолодой мужчина, достаточно холёный и ухоженный, не смотря на суровый тюремный быт. Аккуратная причёска, выбритые щёки и подбородок. Ухоженные ногти. Ладони пухлые и гладкие, без морщинок и с каким-то детским тонким пушком. Тугое брюшко натягивает дорогую элегантную рубашку. На брюках видны складки. Весьма респектабельным джентльменом был и остался Вадим Александрович. Наверное, его успокаивали процедуры по уходу за собой и своим внешним видом. Или он просто был так воспитан. Первое впечатление при взгляде на него оказалось приятным, даже зная о том, что он шалил на высоких постах, обманывая своих доверчивых избирателей и жируя за их счёт так, чтобы ни в чём себе не отказывать.

Я невольно думал, какие же машины мог он себе позволить? Каких девок поиметь? В какие жаркие страны махнуть на уикэнд? Что у такого эстета в коттедже? Или вилле? Или замке? Чучело медведя? Вряд ли. У таких стоят микеланджеловские Давиды. Так ярче подчёркивается безупречный вкус и не так кричаще выражается статус.

Но что-то портило этот холёный и лощёный портрет. Выражение глаз. Они были черны. Зрачки растеклись, поглотив всю радужку. И не моргали. Как два фарфоровых шарика. Лицо

против воли перекосило судорогой. А по лбу и щекам прокатились первые прозрачные бисеринки пота.

Иванов боялся.

До ужаса и жути боялся любого визитёра. Он надеялся на то, что его приговор пересмотрят, но объективно понимал, что это маловероятно. И теперь он боялся любого шороха и стука за дверью. Любого звона или крика. Он ждал. Ждал, когда за ним придут. Ждал свою неминуемую и близкую гибель. И страх перекошил его лицо в маску, как анестезия, зафиксировав нелепое и жалкое выражение, как в гипсе.

– Что?! – выдохнул он.

– Здравствуйте, гражданин Иванов! – я покровительственно улыбнулся.

– Здравствуйте, гражданин начальник! Глеб Игоревич. Если можно так вас называть...

– Разрешаю, – значительно одобрил я и прошёл к столу, сел на табурет, напротив него.

– Раз уж вы почтили меня своим присутствием, хотел бы вас сразу попросить, – заспешил

Иванов.

– О чём?

– Не могли бы вы как-то повлиять на моего соседа в камере рядом?

– А что не так? Вроде, вы сидите отдельно?

– Он при любом удобном и неудобном случае, а иногда просто для собственного развлечения кричит мне: «Твоё дело труба!», «Скоро тебя расстреляют!» и всё в таком духе. Ему доставляет наслаждение издеваться надо мной. А меня это сбивает и удручает. У меня и так состояние ужасное, а тут ещё постоянно эти крики...

– Это который справа или слева от вас?

– Справа. Который убийца-насильник. Такой огромный, наглый хам.

– Угу. Понял. А слева? Не беспокоит?

– Димарик? Нет. Тот молчит всё время. И иногда воет. Но это не так выводит из равновесия, как те глумливые окрики. Пожалуйста!

– Хорошо, Вадим Александрович, я проведу с вашим соседом беседу. Обещаю, что он будет вести себя примерно и не побеспокоит больше вас. Я, собственно, зашёл к вам тоже побеседовать. Вы не против?

– Отчего же? Если вы не... – он замаялся, имея в виду то, что раз я не волоку его на эшафот, так милости просим. – Побеседовать можно. Хоть какое-то развлечение. Тем более, я вижу, вы человек интеллигентный и образованный. И о чём будет беседа?

– О вас.

– Моя скромная персона так вам интересна? – Иванов снял маску страха и тут же нацепил преувеличенную вежливость, за которой тлели недоверие, подозрение и ожидание подвоха.

Это он правильно делает. Ибо я собираюсь спросить его о нелицеприятных вещах. Где-то даже интимных. Вывернуть его душу наизнанку, разворошить то дно. Докопаться до сути. Установить истину.

– Иначе я бы к вам не заглянул, – я опять хищно улыбнулся.

Метаморфозы, происходящие с этим взяточником, меня удивляли. Он быстро менял настроение, но при этом не выглядел истероидным типом. Его глубокий кататонический ступор резко сменился на стандартную нормальную реакцию. Так себя ведут обыкновенные заключённые, вроде Димарика. Грустят, но не уходят в себя наглухо. Или все люди, и простые, и депутаты, в сходных условиях со временем проявляют тождественные поведенческие схемы? Что ж, посмотрим. Бросаться на меня он не склонен. А если и так, то не та у него физическая форма, чтобы застать меня врасплох. Я успею принять его встречной «двоечкой» в лоб и в пузо, чтобы сбить агрессию и не оставить видимых повреждений.

– Вы были признаны вменяемым. То есть, вы осознаёте, почему вы здесь?

– Да, – он закивал согласно, а по центру лба вдруг сбежала очередная капля.

– Вы осуждены по статье сто семьдесят и сто семьдесят три, плюс, пункт от новой редакции, определяющий вид наказания от степени коэффициента от суммы взятки.

– Да. Злоупотребление служебным положением и получение взятки в размере более миллиона рублей.

– Вы понимаете, что вас ждёт?

– Да, – в его шее словно жилы оборвались, и голова резко свесилась. – Но я надеюсь, что мне заменят... Заменят высшую меру на... На срок. Пусть и полный, пусть пятнадцать, но я ведь никого не убил! Я никого не насиловал, как этот мой мужлан сосед, что кричит мне о моей судьбе, как о решившемся факте! Я не заслужил столь радикальной...

Он сник. Плечи мелко затряслись, лицо скрутилось, словно он им попал в такой сильный водоворот, что потянуло кожу. Вадим Александрович заплакал, часто и тихо похрипывая, обиженно скривив ротик и неимоверно стесняясь своей слабости.

– Это решится в течение месяца – двух. И не я это решаю. По мне, так за должностные и хозяйственные преступления вообще не надо практиковать столь суровые наказания, – начал издаലെка я.

– Правда? – он даже перестал точить слёзки глазами. – Вы так считаете?

– Моего счёта, к сожалению, мало. Но я так думаю. Я не кровожаден. Я вас о другом хотел спросить. Вы-то сами что думаете? О том, что если вас всё-таки казнят, то это будет несправедливость или заслуженное возмездие?

Он вытащил чистенький платочек, промокнул лицо, потом трубно высморкался и заодно, будто стёр истерику с лица. Убрал в карман, выпрямил спину, собираясь с ответом, сунул скрещённые руки между колен, зажав их там, будто хотел спрятать их дрожь. Шмыгнув носом и даже улыбнулся. А может, просто нервы расходились, и это была ненарочная, рефлекторная гримаса. Выдохнул и принялся говорить.

– Ко мне несколько раз до вас заходил батюшка. Отец Сергей. Ваш местный священник. Он тоже беседовал со мной, успокаивал и наставлял. Это мне помогло. Теперь я со смирением приму любое решение по моему делу. Даже самое страшное. Господи, пусть минет меня чаша сия, но пусть будет воля Твоя, а не моя!

Неожиданно!

Выходит, отец Сергей уже и тут подсуетился и расколол моего клиента! Эх, жаль! Такой интеллигентный, культурный тип попался, а его прямо из-под носа увели и обработали. Теперь будет мне петь свои песни про царствие небесное и снисхождение благодати. Про искреннее раскаяние и всепрощение грехов по этому поводу.

– Он просветил меня о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное. И я понял, что мой образ жизни действительно был несколько легкомысленным. Теперь, конечно, жалеть мне не о чем, ведь имущество и так уже конфисковали, значит, свой шаг к очищению я уже сделал. И мысли свои в порядок привожу. Стараюсь искренне раскаяться в своей алчности и прочих сквернах. И ещё он говорил, что по большому счёту я самые суровые заповеди не нарушал, в отличие от остальных, тут сидящих. Не убивал никого, по крайней мере...

– Да-да, – в унисон пошёл я в атаку. – Не возжелал дома, осла и жену ближнего своего, не прелюбодействовал, не крал, наконец?

– Это всё так. И я сожалею об этом. Я молюсь, как могу. Прошу прощения у Бога. Надеюсь, это искренне. И когда молюсь, становится легче. Ведь мне есть, в чём каяться. Я не был примерным членом общества. Я крал из бюджета, я окружал себя роскошью. Я прелюбодействовал... – он замаялся на миг, но решился и пошёл ва-банк, до конца: – Я больше скажу, я занимался содомией!

– Это как? – такое заявление выбило меня из колеи, как «КамАЗ» мотоциклиста, и абсолютно совратило с настроем.

– Я должен признаться. Я – гей.

– А, вон оно что... – теперь я сообразил. – Теперь это не важно. Сто двадцать первая статья, до семи лет. Хотя в данный момент эта статья стала декоративной, по ней уже давно никого серьёзно не привлекают. Скоро её вообще выкинут из кодекса. Но, по совокупности преступлений вам и так выписали «вышку», так что беспокоиться не о чем.

– В этом плане – да. Но в христианском – отнюдь! И мне очень жаль, что я родился таким неправильным. Это всю жизнь мне прековеркало. Постоянно скрывать от всех свою ориентацию! Бояться, что донесут, украдкой искать любовников! Это не жизнь! И не было у меня настоящей семьи, не узнал я радость отцовства, а теперь и никогда не узнаю!

Он опять поплыл, засочился горячими слезами, захрапел сопливым носом и отвернулся в угол. А я смотрел на это медузообразное существо, старавшееся быть искренним со мной и сам с собой, из кожи лезшее, чтобы унять свой страх, забить ему клыкастый рот хлебом осознанной и принятой вины, и понимал, что ничего путного теперь от него не услышу. Его сильно «форматнуло» христианской темой, и что поразительно, он всей душой открылся ей, нырнул, как в спасительный Иордан и теперь плескался брызгами собственного ничтожества, смывая и смывая прошлые грехи. Такой клиент может долго мазать кашу по чистому столу, но того, что я бы хотел в нём увидеть, не покажет. Я уже пропустил этот момент осознания и раскаяния. Это, в общечеловеческом плане, даже совсем неплохо, только для меня теперь тут – пустой номер. Моё вампирское содержимое, то, что я хотел из него высосать, уже кто-то ловко умыкнул у меня из-под носа. Отец Сергей делает своё дело, как может. Обычно, все его увещания только раздражают зеков, но тут он сработал в цвет. Что ж, иногда и у него получается наставить на путь истинный заблудшую овцу. А я, зловещий вампир, уйду теперь не солоно хлебавши.

Напоследок я уточнил:

– И что, вы это вот только теперь поняли, Вадим Александрович?

– Нет. Я всю жизнь жил с чувством вины. Всё время подспудно ловил себя на мысли, что поступаю плохо. Даже в церковь пытался ходить. Собирался покаяться, но всё время откладывал. Думал, вот-вот, улажу одно дело и всё! А потом подкатывали новые дела, искушали новые соблазны, и я опять переносил момент расплаты. И дошёл до точки невозвращения. Теперь отведу оптом за всё.

– А как вы всю жизнь умудрялись мириться с виной?

– Хм. Старался отвлечься и не думать об этом вообще. Забивал вину работой. И развлеченьями. Глушил гордыней. И алкоголем. Только это всё – соломенный домик Наф-нафа. Дунул волк – и всё пошло прахом. Одно утешает. Убиенные имеют все шансы попасть в Рай. Это и удерживает меня от безумия и помогает совладать со страхом. Скажите, мне ещё много осталось?

– Всё в руках божьих, – зло пошутил я. – А пути его, как известно, неисповедимы. Глядишь, и помилуют!

И не прощаясь, вышел, немного грубовато, но относительно корректно, хлопнув его по плечу и выдавив подобие улыбки. Пусть не думает, что гражданин начальник проникся его теологическими изысканиями. У гражданина начальника просто дел по горло, он спешит.

В душе, конечно, бушевала досада. Как будто ломка началась. Вампир крови не попил. Потому что нет в Иванове сопротивления, он, как замазка. Как хочешь, так и лепи из него, а вот искры не высечешь. Он и правда искренне раскаивается или так про себя думает. И не переубедить его, ни поймать на противоречии. Он уже умер, перегорел. Живой труп. Просто ждёт казни, даже не очень об этом беспокоясь. Ждёт её, как избавление. Как билет в лучшую загробную жизнь. Всех обманул! И не убил никого, и раскаялся, и за мученика прокатит! Сорвалась рыбка с крючка, подсидело меня духовенство. Я потому и в азарт не вошёл, так как сразу,

внутренним чутьём понял, что в этой жертве нужной мне энергии нет. Он труп. А вампиры из трупов не сосут.

Теперь эти мыслишки будут неопрятным хороводом носиться по ночам в голове. И что-то жёлтое и рыжее вкрапляется в этот ураган. Львиная грива? Или солома от домика Наф-нафа? Волк его сдул. У Вадима Александровича сказочный волк. А у меня вот плешивый лев с лохматой гривой, в которой он прячет ядовитых змей. Такой дуть не будет. Сразу вцепится в сердце заскорузлыми тупыми когтями, стоит только на миг отвернуться.

Эх, жизнь – жестянка!

Татьяна окликнула меня, так глубоко задумавшегося и ушедшего в себя, что я не сразу сообразил, где я нахожусь. Я повернулся к ней с глуповатым выражением лица человека, не слышавшего, что ему говорят.

– Милый, – нежно пропела она. – Давай повторим? Возьми меня, я вся горю!

Это она так подшучивала, когда ей действительно хотелось добавки. Будто смущаясь своей ненасытностью.

То ли свет так странно упал, то ли позу она приняла чересчур кошачью, только в отблесках экрана телевизора привиделось мне на постели странное существо. Даже не женщина-кошка, гораздо страшнее. Будто старый лев с женскими прелестями, неуместными на пахучем войлочном теле раскинулся прямо у меня в кровати. А голова её лежала на подушке, разметав веером рыжую гриву вокруг. И просматривались в ней тёмные пряди.

На миг мне показалось, что пряди шевелятся, неуловимо утолщаются на концах, обретая форму змеиных головок. Бр-р-р! Жуткое зрелище. Моё либидо, и так спокойное после недавних игрищ, теперь совсем увяло и спряталось глубоко внутрь, раком-отшельником.

И холодно, отстранённо-рассеяно, но совершенно откровенно я ей выдал:

– Что-то не хочется! Давай после...

Глава четвёртая. Откровенность за откровенность

Голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосязаемого, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием.

Лев Николаевич Толстой

Прошло две недели с того момента, как я усомнился в своей боевой подруге-ведьме, на моей ли она стороне? Да зря. Сомнения и домыслы мучают больную голову, а ответ прост: конечно, на моей. А злые потусторонние силы во главе с потёртым львом просто используют её в тёмную, подползают ко мне пластунами и татями, берут в тиски. Выдают её за их при-спешницу, подставляют, обманывают. Или я просто себе накрутил. Скоро «крышняк» совсем съедет. Вот и эта суббота выдалась горячей. Опять нам везут «полосатика» с зелёнкой на лбу, опять мне лично встречать дорогого гостя. Ну и пусть. Заодно заскочу к кому-нибудь из под-опечных моего серпентария на душевную беседу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.